

Веселый фурзит напевает
Знакомый арабский мотив.
Ах, нет, не поет, не стрекочет,
Звенит надо мною фурзит.
Звенят многозвездные ночи,
И месяц двурогий звенит.
«Не знаем откуда и чей ты,
Но будь нам начальник и брат», —
Звенят африканские флейты
Моих темнокожих солдат.

10

На перекрестке трех дорог
Араб нашел воловий рог
И мне принес его в подарок.
Был вечер нестерпимо жарок,
И я наполнил рог вином
И выпить дал его со льдом
Арабу-нищему.

Отныне

Мы породнились с ним в пустыне,
И братом стал мне Абдуллах.
Велик Господь! Велик Аллах!

11

Снова приступ желтой лихорадки,
Снова паруса моей палатки,
Белые, как лебедь, паруса
Уплывают прямо в небеса.
И опять в неизъяснимом счастье
Я держусь за парусные снасти
И плыву под парусом туда,
Где горит Полярная звезда.
Там шумят прохладные дубравы,
Там росой обрызганные травы,
И по озеру студеных вод
Ковшик, колыхался, плывет.
Наконец-то я смогу напиться!
Стоит лишь немного наклониться
И схватить дрожащею рукой
Этот самый ковшик расписной.
Но веселый ковшик не дается...
Снова парус надо мною рвется...
Строевое седло в головах.
Африканский песок на зубах.

12

Не нужна мне другая могила!
Неподвижно лежу на траве.
Одинокая тучка проплыла
Надо мной высоко в синеве.
Бой затих. И никто не заметил,
Как сияли у тучки края,

Как прощалась со всеми на свете
Отлетавшая нежность моя.

13

Мои арабы на Коране
Клялись меня не выдавать,
Как Грибоедов в Тегеране
Не собираюсь погибать.
Лежит наш путь в стране восстаний.
Нас сорок девять. Мы одни.
И в нашем отдаленном стане
Горят беспечные огни.
Умолк предсмертный крик верблюда.
Трещит костер. Шуршит песок.
Беру с дымящегося блюда
Мне предназначенный кусок.
К ногам горячий жир стекает -
Не ел так вкусно никогда!
Всё так же счастливо сияет
Моя вечерняя звезда.
А завтра в путь. Услышу бранный,
Давно забытый шум и крик.
Вокруг меня звучит гортанный,
Мне в детстве снившийся, язык.
О, жизнь моя! О, жизнь земная!
Благодарю за всё тебя,
Навеки всё запоминая
И всё возвышенно любя.

14

Князю Н.Н. Оболенскому

Нам все равно, в какой стране
Сметать народное восстанье,
И нет в других, как нет во мне
Ни жалости, ни состраданья.
Вести учет: в каком году —
Для нас ненужная обуза;
И вот, в пустыне, как в аду,
Идем на возмущенных друзей.
Семнадцативековый срок
Прошел, не торопясь, по миру;
Всё так же небо и песок
Глядят беспечно на Пальмиру
Среди разрушенных колонн.
Но уцелевшие колонны,
Наш Иностраннный легион -
Наследник римских легионов.

15

Мне приснились туареги
На верблюдах и в чадрах,

Уходящие в набеги
В дымно-розовых песках.
И опять восторгом жгучим
Преисполнилась душа.
Где мой дом? И где мне лучше?
Жизнь повсюду хороша!
И, качаясь на верблюде,
Пел я в жаркой полумгле
О великом Божьем чуде —
О любви ко всей земле.

16

Стергла нас страшная беда:
Заблудившись, умирали мы от жажды.
Самолеты пролетали дважды,
Не заметили, — не сбросили нам льда.
Мы плашмя лежали на песке,
С нами было только два верблюда.
Мы уже не ожидали чуда,
Смерть была от нас на волоске.
Засыпал нас розовый песок;
Но мне снились астраханские арбузы
И звучал, не умолкая, музы,
Как ручей, веселый голосок.
И один из всех я уцелел.
Как и почему? Не знаю.
Я очнулся в караван-сараях,
Где дервиш о Магомете пел.
С той поры я смерти не хочу,
Но и не боюсь с ней встречи:
Перед смертью я верблюжью пил мочу
И запить теперь ее мне нечем.

17

Ни весельем своим, ни угрозами
Не помочь вам пустынной тоске.
Только черное-черное с розовым:
Бедуинский шатер на песке.
Напрасно роняете слёзы вы, -
В черной Африке видел я мост
Из громадных, дрожащих, розовых,
Никогда здесь не виданных звезд.

18

Умирал марокканский сирокко,
Насыпая последний бархан,
Загоралась звезда одиноко,
На восток уходил караван.
А мы пили и больше молчали
У костра при неверном огне,
Нам казалось, что нас вспоминали
И жалели в далекой стране,
Нам казалось: звенели мониста

За палаткой, где было темно...
И мы звали тогда гармониста
И полней наливали вино.
Он играл нам — простой итальянец -
Что теперь мы забыты судьбой,
И что каждый из нас иностранец,
Но навеки друг другу родной,
И никто нас уже не жалеет,
И родная страна далека,
И тоску нашу ветер развеет,
Как развеял вчера облака,
И у каждого путь одинаков
В этом выжженном Богом краю:
Беззаботная жизнь бивуаков,
Бесшабашная гибель в бою.
И мы с жизнью прощались заранее,
И Господь все грехи нам прощал...
Так играть, как играл Фабиани,
В Легионе никто не играл.

19

Вечерело. Убирали трапы.
Затихали провожавших голоса.
Пароход наш уходил на Запад,
Прямо в золотые небеса.
Грохотали якорные цепи.
Чайки пролетали, белизной
Мне напоминающие кэпи
Всадников, простившихся со мной.
Закипала за кормою пена.
Нарастала медленная грусть.
Африка! К причалам Карфагена
Никогда я больше не вернусь.
Африка - неведомые тропы —
Никогда не возвращусь к тебе!
Снова стану пленником Европы
В общечеловеческой судьбе.
Над золою Золушка хлопочет,
Чахнет над богатствами Кашей,
И никто из них еще не хочет
Поменяться участью своей.

20

Я стою на приподнятом трапе
Корабля. Изнуряющий зной.
И муза, в соломенной шляпе,
Всё не хочет проститься со мной.
1940-45

НИКОЛАЙ ТУРБЪРОВЪ

СИРКО

ИЛЛЮСТР. П. ПОЛЯКОВЪ

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВЪ

СИРКО

Иллюстраци П. ПОЛЯКОВА

ПАРИЖЪ
1945

Вороной Ирины Пейской
Николай Александрович
Зорин.

СИРКО

*Як помру, одрижьте мою руку,
то буде вам защита.*

Сирко

По-над Сечью, по-над Запорожьем,
Будто лебедь, ангел пролетал,
Он искал Сирко на свете Божьем,
Атамана мертвого искал.
С давних пор его похоронили,
Отрубивши руку, казаки, -
Триста лет уже лежит в могиле
Запорожский батько без руки.
И с его отрубленной рукою
Казаки идут из боя в бой,
Дорожат, как силою живую,
Трехсотлетней высохшей рукой.
Райских врат Сирку земля дороже
И лежать ему под ней легко;
Мертвецы на суд уходят Божий,
Не является один Сирко.
Бог всё ждал, терпенье расточая,
Но апостол Петр уже не ждал,
И, тайком от Господа, из рая
Он на поиск ангела послал.
Пролетел тот ангел над Полтавой,
За Днестром свернул на Рог-Кривой, -
Видит — всё казачество за славой
Собралось на беспощадный бой.
В поднебесьи слышится их пенье —
Песня подголоска высока,
Все на смерть идут без сожаленья,
Впереди них — мертвая рука!
Где им тут до ангельской заботы:
От родных домов одна зола!
В чистом небе реют самолеты,
Над землей — пороховая мгла.
Ангел сразу повернул на ветер,
К Чортомльку быстро долетел,
На погосте, при вечернем свете,
У кургана отдохнуть присел.
Вдруг глядит - курган могильный дышит,
Колыхается высокая трава,
И, ушам своим не веря, слышит
Из кургана громкие слова:
«Вижу я все горести и муки
От врагов в моем родном краю;
Нужен ли я Господу — безрукий
Богомалец - в праведном раю?
Как смогу я там перекреститься,
Если нет давно моей руки,
Если с ней уже привыкли биться,

Не бояся смерти, казаки.
 Сколько к Богу их уйдет сегодня,
 Целыми полками на конях!
 Я ж прошу лишь милости Господней:
 Полежать подольше мне в степях».

Взвился ангел. По дороге к раю
 Над Украиной пролетает вновь,
 Среди звезд вечерних обгоняя
 Души убиенных казаков.
 Путь далек. Увидел ангел снова
 Божьи врата только поутру;
 Что слышал, — от слова и до слова —
 Передал апостолу Петру.
 Петр видал и не такие виды,
 Ключарем недаром послужил;
 Накануне общей панихиды
 О Сирке он Богу доложил.
 Бог в ответ слегка развел руками,
 Приказал зажечь еще свечей:
 «Что ты будешь делать с казаками,
 С непокорной вольницей Моей!».
 1943

СИРКО (Иванъ Дмитриевичъ, + 1680 г.) популяр-
 ный кошевой атаманъ Запорожскаго войска, написав-
 шій знаменитое письмо турецкому султану, эпизодъ
 съ которымъ послужить темой для известной картины
 Репипа «Запорожцы»; можно предполагать, что
 Сирко послужить прототипомъ и гоголевскому Та-
 расу Бульбе.

Еще при жизни Сирко, его именемъ, татары
 унимали кричащихъ детей; равныхъ ему не находили
 никого. Сирко тотчасъ же после смерти сталъ пред-
 метомъ легенды, по одной изъ которыхъ, онъ прожилъ
 210 летъ, трижды умирая на семидесятомъ году своей
 жизни и трижды воскресая; передъ окончательной
 смертью Сирко завещалъ отрубить ему правую руку
 и хранить ее въ войске.

Иллюстраціи для настоящаго изданія сделаны
 П. М. Поляковымъ (Sociétaire des Artistes Français), на
 основаніи матеріаловъ, воспроизведенныхъ въ «Исто-
 ріи запорожскихъ казаковъ» Д. И. Эварницкаго и въ
 «Исторіи новой сечи» Скольковскаго.

Казачий Союз

BULLETIN DE L'UNION DES COSAQUES
ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАЗАЧЬЕГО СОЮЗА
EDITION DU COMITE CENTRAL D'UNION DES COSAQUES (arr. des Maitres de Plat. J. O. No 276 — 1943).
PARIS 25 AVRIL 1954
Адрес редакции и издательства Казачьего Союза: N. N. Zivkoff, 116, rue Voltaire Oublier, Nanterre (Seine).
ГОД ИЗДАНИЯ ЧЕТВЕРТЫЙ
ПАРИЖ 25 АПРѢЛЯ 1954

Х. В.

ВЕСНА

В прекрасное время года
Праздник в станице родной.
Когда разливают природе,
Праздник казачьей весной.
Что-бы поклониться Свѣтлому Образу —
Зонковам,
Услышать журчащие звуки —
Хопкам,
И увидеть Созданіе Божественной Славы.
Владо утро прозадало,
Солнце над степью сіяло,
Ковчег среднестро блещет...

Б. Н. Шаранов.

ЖИЗНЬ

Можно жить еще на свѣтѣ,
Если видишь небеса,
Если слышишь на разсвѣтѣ
Птиц веселых голоса.
Если всѣ дороги правы
И жовтѣ тебѣ лезла
Под тѣмными дубравами.
На просторные поля.
Можешь ждать из тревоги тайной,
Что и тебѣ вернется вновь.
Гость жадный, гость случайный, —
Беззаботная любовь, —
Если снова, за ставнями,
Ты, в кругу своих друзей,
Вѣршишь весело и пьяно
Прошлой юности своей.
Можно смерти не бояться
Под губительным огнем,
Если ночью упрямиться
С необъятными конями,
Если Бог с тобою вѣстѣ
Был и будет мерзеть.
Если так изумленный востри
На прострѣленной груди.

Николай Туровѣров.

Привѣтствую все российское казачество с Вѣснадостным Праздником Свѣтлаго Христова Воскресенія.
Да озарит Воскресшій Христос Спаситель наши скорбныя и горестныя сердца своею божественною, всесообщающею радостью.
Воскресе Христос — падшии дѣвони!
Твердо и не колеблясь вѣруем — пакут дѣвони, порожденныи свѣтом Христова Воскресенія, только бы сердце народа русскаго не отяжелѣло и не ушло от этого свѣта.
Христос воскрес, дорогие станицники — воины христовенныи!

Михрономъ Владиміръ

Казачий Союз со всѣми своими станицами и предместностями в прошлинннх и заграницах. Дѣское Войско, Кубанское, Терское и Астраханское Общественія, Уральская станица, Казачий Союз и Общественная школа автономнои помощи подражающеи казачки и казачки всѣх войск, гдѣ бы они не находились, с Свѣтлым праздником:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

САЛ

Г. Д. Каргальскому

За рѣчкой степною, за Салом,
Тѣ дни пропадали, как сны,
И с ними жават желтозвѣтѣ,
И хвѣту летящей весны.
Курганы, бугры обмыслил.
Начался перелѣтъ дождя.
И ночи, и дни, и недѣли
Их сѣвер розинный жовтѣ.
Горластая стая казачок
Полозным поряжком жавтѣ.
Над степью, гдѣ жили казачки,
Гдѣ тавкала вѣтра пулемет.
Там были убиты спарядом
Хоружий, казан и кадет.
В могилу легли они рядком,
Росой из ослѣдка разсѣйтѣ.
А послѣ из солнышко грѣло,
И райскій был воздух для всѣх,
И блики оружье грѣило,
И мы отомкли наспѣтѣ.

Николай Евстаѣв.

ТЪНИ

День лѣтним дѣловитым открыт,
Суета это — главное зло.
Ночью громче душм говорит
И все болѣе — о том, что прошло.
Поступь ебности ночью слышнѣй,
Остатнѣтѣй горечь утрат.
Даже тѣмъ любимых людей,
Забыла тебѣ, шельститѣ...
Сколько их перешло за черту,
Сколько уст замѣчало нѣвѣ,
И какую всегда пустоту
Оставлял по себѣ человек!
Но не жалуясь, не проволосла,
Не ропщи на законы бытія!
Пусть хранит неизмѣнной любовью
Благодарна память твою!

Марія Волкова.

**

«С каждым годом меньше появляея
Этот страшный автоматный раскъ»
Николай Туровѣров.

Все продолжает. День за днем, короток.
Улетают наши души навстрѣгу.
Скоро, брат, чой, лѣтннхъ ночи
Нан лѣтннхъ заграницнхъ годѣ...
Но и там, в потустороннхъ полѣ
Будет не тяжело, не больнѣтѣ,
Только будут мы с тобою на волѣ —
Встрѣтннхъ окривающихъ друзей.

Александр Туровѣров.

Страница бюллетеня «Казачьего Союза»
от 25 апреля 1954 года (г. Париж, Франция).

КАЗАЧЬИ

ПЕСНИ

Издательство КАЗАЧЬЯ СТАРИНА

P.D.Gouldieff

41-41.44 Street.Apt., 3-N.

Sunnyside, L.I., N.Y. 11104.

U.S.A.

*Составитель сборника «Казачьи песни»
Н.Н. Туроверов. 1967 год.*

НИКОЛАЙ ТУРОВЕРОВ

СТИХИ

КНИГА ПЯТАЯ

ПАРИЖ
1965

Дорогому
Николаю Келину
помянувший и любящий.

Николай Тuroверов

ноябрь 1965

Тарнава.

От автора Н.Н.Тuroверова известному поэту казачьего
зарубежья, донскому казаку Н.А.Келину (Чехословакия).

Конец угарных летних дней.
Висят повсюду паутины.
Средь цветника, у тополей,
Как пятна крови, георгины.
Во всём осенний чуткий сон,
В янтарь оделися осины,
И в стёклах дома у колонн
Вечерний свет зажег рубины.
1945

Подмастерья

И бумага, и медные доски,
И перо, и тяжелый резец,
И, подвластный тебе, его плоский,
Косо срезанный острый конец...
Подмастерья мы оба! Но счастья
Мастерства ожидали не раз,
И Господь, снисходительный Мастер,
Может быть, и посмотрит на нас.
1939

С тяжелым напряженьем и трудом,
Почти в отчаяньи, в мучительном сомненьи,
Ты ищешь то, что я найду потом
В своем случайном вдохновеньи,
Не наяву, а в том счастливом сне,
Когда я вдруг заговорю стихами,
И сам Господь в стихах ответит мне;
Но будет тайным разговор меж нами.
1941

Прислушайся, ладони положив
Ко мне на грудь. Прислушайся в смущеньи.
В прерывистом сердцебиеньи
Какой тебе почудится мотив?
Уловишь ли потусторонний зов,
Господню власть почувствуешь над нами?
Иль только ощутишь холодными руками
Мою горячую взволнованную кровь.
1942

Можно жить еще на свете,
Если видишь небеса,
Если слышишь на рассвете
Птиц веселых голоса,
Если все дороги правы,
И зовет тебя земля
Под тенистые дубравы,
На просторные поля.
Можешь ждать в тревоге тайной,
Что к тебе вернется вновь
Гость желанный, гость случайный
Беззаботная любовь;
Если снова за стаканом
Ты в кругу своих друзей
Веришь весело и пьяно
Прошлой юности своей.
Можно смерти не бояться
Под губительным огнем,
Если можешь управляться
С необъезженным конем,
Если Бог с тобою вместе
Был и будет впереди,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.
1943

Закурилась туманом левада,
Журавли улетели на юг, -
Ничего мне на свете не надо,
Мой далекий единственный друг.
Только старый курень у оврага,
Побуревший соломенный кров,
Да мой стол, на котором бумага
Ожидает последних стихов.
1943

Эллада

1

Не противься неравному браку,
Покидая родительский кров.
Ты не знаешь, что слышал оракул
В грозном шуме священных дубов,
Что ему предсказало журчанье
Протекавшего рядом ручья;
Не кляни эту жизнь на прощанье,
При отъезде сквозь слёзы крича,
Что в позоре твоём был свободен

Одержимый богами отец,
И за борт у откинутых сходен
Не бросай материнских колец.
Уплывала в тумане Эллада.
Одинокое горе твоё
Проводила Афина-Паллада,
Приподняв золотое копьё.

2

Расцветали персидские розы,
И шумели фонтаны в садах,
Скоро высохли девичьи слёзы
На твоих потемневших глазах.
Ты лежала в объятиях Ксеркса,
Целовала его, не любя...
О, как билось царское сердце!
Но не билось оно у тебя.
Ржали кони, ревели верблюды,
И трубили победно слоны.
У богов не просила ты чуда
Для своей обреченной страны.
И ночами на брачной постели
Не просила царя ни о чём,
А развалины Аттики тлели,
Догорали последним огнём.
Но пожарищ пугающий запах
Ты не слышала в душных шатрах;
Ты лежала в объятиях сатрапа
На коврах, на шелках, в жемчугах.
О, как ты в эти дни хорошела,
Ты была, как Лилит, хороша,
И покинула хладное тело
Для скитаний по миру душа.
1943

* * *

С рождения — ни веры, ни креста.
С рождения — вся жизнь была пуста,
Как этот колос, легкий и пустой,
Поднявшийся над праздной бороздой.
И не пора ль его теперь сорвать,
И бросить в прах, и в прахе растоптать,
Растущий без единого зерна,
Когда о хлебе молится страна.
1943

Кинжал

Лемносский бог тебя сковал.

Пушкин

1

Откуда он, в простой оправе
Тебе доставшийся кинжал?
В какой воинственной забаве
Он ослепительно сверкал?
Кому в часы кровавой мести
Своим возмездием служил
И с кем потом, во имя чести,
Он неразлучно подружил?
Что видел он под облаками
Кавказских гор, и почему
Своими нежными руками
Теперь привыкла ты к нему?
И отчего тебя тревожит
Кинжал, отведавший крови,
И веришь ты, что он поможет
Тебе отбиться от любви.

2

И страшной смертью ты умрешь,
Умрешь не телом, а душою.
С тобою будет этот нож,
Тебе завешанный судьбою
На память о моей любви
И о расплате неминучей,
Моей расплате самой лучшей —
Ценою собственной крови.
И блеск холодный лезвия,
Как смертоносная змея,
Тебя отравит, заморозит.
Заморозив, заставит жить,
Но уж никто, никто не сможет
Тебя заставить полюбить.
1943

Две крови: казачьи обе,
Но донская похмельней
И в презрении, и в злобе,
В беспощадности своей;
Никогда ни в чём не каюсь,
Что хотела — забрала,
Жизнь взяла, не сомневаясь,
И на волю увела
Из родительского дома,
На простор и на разбой,
Чтобы стало всё знакомо
В новой жизни озорной.
Над разбоем чайка плачет,

В сердце жалость и любовь,
Это тоже кровь казачья,
Но уже другая кровь.
Это значит, Украина
Мне печальней и родней:
Запорожская кручина,
Песни матери моей.
1943

Диалог

«Что ты найдешь в стране печальной,
В твоей стране среди снегов?
Зачем ее холодной тайной
Твоя отравлена любовь?
Зачем ты ждешь ее ответа,
Когда ты должен быть ничей,
Как этот ветер, иль как этот
Незамерзающий ручей.
Что надо жизни человеческой?
Что ищешь ты? Тебя здесь ждет
Мое вино и сыр овечий,
Домашний хлеб и дикий мед.
Живи со мною на свободе
И пей из кубка моего
За жизнь, в которой всё проходит
И не проходит ничего». -
«...Я внял тебе. Внимай мне тоже
О дальней родине моей
И знай, что нет страны моложе,
И человечней, и нежней;
Что труден путь ее извечный,
Но ей нельзя с него свернуть,
Когда над ней сияет Млечный,
Единственный на свете путь;
Когда ведет к всемирной лире,
Сквозь кровь, сквозь муки и гроба,
Ее чудеснейшая в мире -
Неповторимая судьба».
1943

* * *

Влюбленный в бой жалеть не станет
Погибших рядом с ним в бою,
Он сожаленьем не обманет
Любовь суровую свою.
В загробные не веря силы,
Стоит он, вновь готовый в бой,
У свежеврытой могилы

С ненаклоненной головой.
1943

* * *

Жизнь пришла суровая, простая,
С черным хлебом, с каторжным трудом;
Разлетелась лира золотая
Под ее тяжелым топором.
А давно ль, счастливый и влюбленный,
Был я пьян от счастья своего...
Только жар от печки раскаленной,
Только сон — и больше ничего.
1943

* * *

Как когда-то над сгубленной Сечью
Горевал в своих песнях Тарас, —
Призываю любовь человечью,
Кто теперь погорюет о нас?

Но в разлуке с тобой не прощаюсь,
Мой далекий отеческий дом, -
Перед Господом не постесняюсь
Называться донским казаком².
1943

Товарищ

Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет

² В архиве поэта В. Леонидовым (г.Москва) был найден расширенный вариант стихотворения. Между первым и последним четверостишием были следующие строки:

Ты в своей распласталася шири -
Еще новых земель подавай!
Что тебе мой единственный в мире,
Для тебя слишком маленький край,
Что тебе эта слава казачья -
Отшумели твои казаки,
Над могилами их не заплачут,
А сравниют с землей мужики.
И не вольным раскинутым станом,
Не волнующим ржаньем коней
Станет новь за придонским курганом
Над хлебами мужичьих полей.
Не боюсь я твоей укоризны,
Да и можешь ли ты укорять,
Что тобой уготованной тризны
Не могу, не могу я принять.

О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, не мученьями, страданьями и кровью -
Утратою горчайшей из утрат:
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличкою «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за отчизну умереть?
1944

Стихи к дочери

Над ковыльной степью веет
Жаркий ветер суховой,
И донская степь синееет
С каждым часом горячей.
И опять в полднейной сини,
Как в минувшие века,
В горьком запахе полыни
Вековечная тоска.
Знаешь ты, о чём тоскует
Эта горькая полынь?
Почему тебя волнует
Эта выжженная синь?
И тебе, рожденной где-то
В европейском далеке,
Так знакомо это лето
В суховейном ветерке?
Почему счастливым звоном
Вся душа твоя полна,
Как полна широким Доном
Эта легкая волна?
Почему у перевоза
И песчаных берегов
Ты почувствуешь сквозь слёзы
Дочериную любовь
И поймешь, моя родная,
Возвращаясь домой,
Что нет в мире лучше края
Чем казачий край степной.
1944

Из Тараса Шевченко

1

Не женись ты на богатой -
Выгонит из хаты,
Не женись и на убогой -
Проживешь недолго,
А женись на вольной воле -
На казачьей доле:
Как была она - такую
Будет век с тобою.

2

О, Боже мой милый! Как тяжело на свете,
Как жизнь горемычна - а хочется жить,
И хочется видеть, как солнце сияет,
И хочется слушать, как море играет,
Как птичка щебечет, как роща шумит,
Как девушка песню свою запекает...
О, Боже мой милый, как весело жить!

3

«Молитесь, братие, молитесь!
Вокруг святого Чигрина!
Как нерушимая стена,
Восстав из гроба, станет сила
Архистратига Михаила —
Покойников святая рать.
Но Украину вам спасать,
Еще живущие! Спасайте
Родную мать свою, не дайте
В руках у ката погибать!
Пожар пылает там и тут,
И некрещёнными растут
Казачьи дети, а девчата
Ушли в неволю без возврата,
И гибнет юная краса,
И непокрытая коса
Стыдом сечётся, ясны очи
В разлуке гаснут... Иль не хочет
Казак сестру свою спасать
И сам собрался погибать
В ярме у катов? Горе, горе!
Молитесь, дети! Страшный суд
На Украину к нам несут
Враги. Опять прольется море
Казачьей крови... Где Богдан?
Где Наливайко, Остряница?
Пора Палию пробудиться,

И где Сирко - наш атаман?
Молитесь, братья!».

И святой

Поп окропил толпу водой
С крыльца церковного. Но вот
Вдруг расступается народ,
И с непокрытой головой
Встал на крыльце кобзарь седой:
«Да сгинет враг! Да сгинет прочь!
Точите косы в эту ночь,
Ножи острите, и со мной
Тряхнем недавней стариной!».
1944

Вдова

*Ты пошли, Боже, тучу грозную,
Тучу грозную, Громову стрелу, —
Ты разбей, разбей гробову доску.
Ты раскрой, раскрой золоту парчу:
Подыми моего друга милого.*

Казачья песня

И вышел я — безумный тать -
В грозой кипевшее ненастье,
Чтоб силой взять, уворовать
Недосягаемое счастье.
Шумел в дожде весенний сад,
Вела знакомая дорожка
Туда, где брезжил свет лампад
За ставней низкого окошка.
И ветхой ставни сняв запор,
Увидел я перед собою
Свою добычу, дерзкий вор,
Легко играющий судьбою.
Лежала юная вдова,
Перед иконами рыдая,
И слышал я ее слова,
Окно тихонько раскрывая.
«Бушуй, гроза, сильнее, чтоб
Раскрылась свежая могила
И виден стал сосновый гроб,
В котором спит теперь мой милый.
Буди его, гроза, буди!
Он сам уже проснуться хочет,
Дыханье дай его груди,
Открой ему уста и очи.
Я четверговую свечу
Зажгла у образа Христова, —
Ударь же, гром! Сорви парчу

Потустороннего покрыва!...».
И грянул гром. И я упал,
Как бы пронизанный стрелою,
И рухнул дом, и запылал,
И смерч пронесся надо мною...
1944

* * *

Я шел к тебе среди руин,
Среди дымящихся развалин.
Я шел к тебе. Я был один.
И был мой путь как ночь печален.
Я знал, что ты еще жива,
Я звал тебя бессильным криком,
И эхо вторило едва
Моим словам во мраке диком.
Нет ничего — но сердце есть.
Нет никого — но ты со мною.
О, как я был охвачен весь
Ночною черной тишиною.
1944

Конь

*Конь казаку всего дороже
И ты, мой сын, им дорожи.
А.В. Тuroверов (1854)*

«Что, мой верный друг, не весел,
Что грустишь, моя краса?
Я в торбе' тебе навесил
Золотистого овса.
Что не ешь его проворно,
А, мотая головой,
Вкусно пахнувшие зёрна
Рассыпаешь пред собой?
Иль меня ты, друг, не слышишь,
И заветный сахарок
Не берешь, а только дышишь
На протянутый кусок.
Не кусаешь в шутку руки,
Не балуешься со мной, -
Иль почуял день разлуки,
Мой товарищ дорогой?». -
«Нет, хозяин, я не болен,
Рад служить я казаку,
Но рассеять ты не волен
Лошадиную тоску.
Для меня давно не тайна,

Что сегодня ты принёс
Лишь с похмелья и случайно
Этот сахар и овёс.
Обо мне ты забываешь.
Подъезжая к кабаку,
Одного меня бросаешь,
Кинув повод на луку;
Долго жду тебя на вьюге
У заснеженных перил -
Сколько раз мои подруги
Отпустить ты позабыл?
А потом, хвативши водки,
Зря вихляясь на бока,
Ты меня к чужой молодке
Гонишь вскачь от кабака;
Запотелый круп дымится
В непогоде ледяной,
И смеется вся станица
Над тобой и надо мной».
1944

* * *

Что мы, братцы, по-пустому спорим
И всё делим тесные поля,
А на юге, за Каспийским морем,
Зря лежит просторная земля.
Кровь застыла в нас, иль обветшала
Наша переметная сума?
Здравствуй, Персия! Здорово ночевала,
Полусонная богатая кума!
Запрягай тяжелые мажары,
Провожай соседей дорогих.
Серебром украшены Каджары,
А уздечки в золоте у них.
1944

Сумароков

О, вы — по нас идущие потомки...
Тредьяковский

Долги одолели. Описаны книги.
Демидов грозит их продать.
А Двор глухонем. В Петербурге интриги.
Не хочет никто выручать.
Без шляпы, в сугробах, не ведая стужи,
Идет он, известный для всех.
На бархат камзола, на золото кружев
Слетает нетающий снег.

Подальше от дома, поближе к народу -
В любой простолюдный кабак,
Где можно почувствовать сразу свободу
Среди незнакомых гуляк.
Где можно забыться, душой молодея,
Не веря в жестокий обман...
И, медленно, верно и сладко пьянея,
Он пьет за стаканом стакан.
Кто может быть близок ему, или равен
На склоне дряхлеющих лет?
Какой-то Капнист и какой-то Державин
Едва появились на свет.

Полвека отдал он российскому слову, -
На лаврах пора почивать.
Он оду вчера написал Пугачёву
И — больше не будет писать.
Поэт трех цариц не боится доносов -
Ему ли испытывать страх?
Он с музой сдружился, когда Ломоносов
Еще пребывал в мужиках.
Кто тайну открыл хореической оды?
И вот, с табакеркой в руке,
Встает он, роняя скамью, и на своды,
Моргая, глядит в кабаке.
Не знает поэт человеческих сроков,
Он видит немеркнувший свет:
За партией стоит Александр Сумароков,
Семнадцатилетний кадет.
И внемлет ему молодая Россия,
Наследье Петровых годов,
Услыша внезапно, услыша впервые
Всю музыку русских стихов.

О, премудро божество!
От начала перва века
Такового человека
Не видало естество.
Цесарь страшен был во брани,
Август покорила весь свет,
К Александру носят дани,
Где лишь меч его сверкнет.
Петр — природу пременяет,
Новы души в нас влагает,
Строит войско, входит в Понт,
И во дни такой премены
Мещет пламень, рушит стены,
Рвет и движет горизонт.

На впалых щеках розовеет румянец —
Забвенья поэзии нет.
И первым в Москве среди признанных пьяниц

Становится первый поэт.

1944

* * *

Уже никто чудес не просит,
И больше нет на свете слёз.
А смерть всё так же мерно косит
Свой нескончаемый покос.
Но вот, за звонкою косою,
Почти в беспамятстве, в бреду,
Дотла сожженной полосою
Я, зачарованный, иду;
Гляжу на грозное движенье
Косы в испытанной руке,
На странный взмах и на паденье
Людей совсем невдалеке.
Но нет в душе тоски и страха,
И вижу я: из пустоты,
Из кровью залитого праха
Растет трава, цветут цветы,
И лес весенний зеленеет,
И льется дождик на поля,
И с каждым часом хорошеет
Испепеленная земля.
И смерти нет... А за косою
Идет мой пращур и поёт,
И загорелою рукою
Меня манит, меня зовёт.

1944

* * *

За легкомысленный язык,
За склонность к ветреной забаве,
За то, что я уже привык
К незатруднительной отраве,
За всё, за всё, чем грешен я,
Ты ниспошли мне наказание,
Но не лишай меня огня,
Оставь широкое дыханье,
Любви и песен не лишай
И не клади во гроб живого,
Ты видишь: льется через край
Еще взволнованное слово.

1944

Бабье лето

Стали дни прозрачнее и суше,

Осыпаться начинает сад,
Пожелтели розовые груши,
Золотые яблоки висят.
От плодов, от солнечного света,
На душе спокойней и ясней,
И сюда теперь приходит лето
Из своих пустеющих полей.
Там летят по ветру паутины,
Все хлеба уже давно в снопах.
Бабье лето! Первые морщины,
Первые седины на висках.
1944

Печальное вино

1

Не с животворящим и веселым,
Дружным с нежностью, с любовью, со стихом,
А с тяжелым, непробудным, новым,
Уводящим к гибели вином;
Без раскаяний, без веры, без возврата,
Без тебя — наедине с собой,
Я уже не вспомню чем когда-то
Был мне этот перстень золотой.
Всё, как есть, на свете забываю,
Сам себя не узнаю в лицо.
Если крест нательный пропиваю,
Что мне обручальное кольцо!
И напрасно ты в своей тревоге,
В жалости, в смятении, в тоске
Встанешь предо мною на пороге
Призрачным виденьем в кабаке.

2

Жалей других, но не жалей себя!
И вот, с ненужными, случайными, чужими
Я пью вино, безжалостно губя
Твое неповторяемое имя,
Моя неразрешенная любовь.
Уже без вдохновений, по привычке,
В нестройном хоре праздных голосов
Участвую в унылой переключке.
А ты молчишь. А я опять в бреду
Стремлюсь к тебе вслепую, как лунатик,
Как акробат испытанный иду,
Качаясь на протянутом канате.
А ты всё ждешь — ужели не сорвусь
Я с этой проволоки железной.
Какой простор, какой простор и грусть
В моей свободе бесполезной.

1945

За твое тревожное молчанье,
За биенье сердца моего,
За внезапное короткое свиданье,
На котором не случилось ничего,
За подсказанное вновь стихотворенье
(В нем тебя опять не назову),
За такую нежность сновиденья,
О которой не расскажешь наяву,
За печаль, за тайное участие,
За любовь - отвечу я потом;
Но сегодня сокровенно счастье,
Как ручей, еще сокрытый льдом.
1945

За безропотную службу -
В битвах пролитую кровь,
За возвышенную дружбу -
Бескорыстную любовь,
За отцовские могилы -
Родовые образа,
За растроченные силы,
За цыганские глаза,
За угарные попойки,
Где поились подлецы,
И за пропитые тройки —
Золотые бубенцы,
Только жалкие равнины,
Только жалость без конца,
Да столетние руины
У дворянского крыльца.
Без пощады, без возврата,
Без умеющих помочь,
И, как черный флаг пирата,
Всё собой покрыла ночь.
1945

Не плыву - улетаю в Америку.
Кто поймет беспросветную грусть?
Это значит: к заветному берегу
Никогда, никогда не вернусь.
Это значит: благополучию
Свою жизнь навсегда уступил,
Полунищую, самую лучшую,
О которой я Бога просил.

1945

О чём грустить, по ком скучать!
В рассветной мгле стоят опушки,
О многолетия кричат
Неугомонные кукушки,
И вторит им весенний хор,
Разноголосый щебет птичий.
Ах, мне весна с недавних пор
Нужна, как поцелуй девичий.
И вот мы с ней идем вдвоем,
Куда — еще не знаем сами,
Я — с подорожным костылем,
Она - с апрельскими цветами.
Плывут над нами облака,
К плечу припал попутный ветер,
Светла дорога и легка,
И жить легко на этом свете.
А ночью мир по-Божьи прост,
Деревня молится о хлебе;
В моем окне так много звезд,
Как будто я уже на небе.
1945

* * *

И будет дождь — веселый, молодой,
В листву дерев ударивший, как в бубен,
Широкий дождь, прошедший полосой,
От Маныча до самых Лубен
И опочивший там... Последнею слезой,
Вот так бы мне, весь мир благословляя,
Погибнуть где-то там, где над землей
В дожде поднялась арка золотая.
1945

Октябрь

Был поздний час. И ты уже спала,
А я всё медлил у твоей калитки.
Стоял октябрь. И ночь длинна была,
И лунный свет - стеклянный, полужидкий -
Стекал по кровле и струился по шоссе.
Оно теперь казалось мне рекою,
И плыл весь мир, и люди плыли все
К безмолвию, к забвению, к покою.
Всё глубже сон. Всё холоднее кровь.
Не знаю, что теперь тебе приснится.

А мир плывет, и с ним моя любовь,
Чтоб больше никогда не повториться.
1945

И снится мне: тропой опасной
Идем с тобою мы в горах.
И ночь вокруг, но месяц ясный
Сияет в темных небесах.
Над нами горный снег белеет,
А ночь всё глуше и синей,
И полуночный ветер веет
Над первой юностью твоей.
И снится мне: я стал моложе
И про любовь тебе пою,
Как никогда не пел и позже
Уж никогда не запою.
1945

* * *

На простом, без украшений, троне
Восседает всемогущий Бог.
Был всегда ко мне Он благосклонен,
По-отечески и милостив, и строг.
Рядом Ангел и весы, и гири, -
Вот он - долгожданный суд!
Всё так просто в этом райском мире,
Будто здесь родители живут.
На весы кладется жизнь земная,
Все мои деянья и грехи,
И любовь к тебе, моя родная,
И мои нетрудные стихи.
Сколько веса в этой бедной лире,
Певшей о земном и для земных?
Ангел молча подбирает гири,
Выбирая самый лучший стих..
О, как все они теперь убоги,
Эта плоть и эта кровь моя, -
В судный час пред Богом, на пороге
Нового простого бытия.
1945

Посмотри: над присмирившей степью,
Над грозой отшумевшей, над тобой
Радуга изогнутою цепью
Поднялась среди пыли дождевой.
Посмотри, не пропусти мгновенье,
Как сияет радужная цепь.

Это с небом ищет примиренья
Бурей растревоженная степь.
1945

Ты жаждешь ясности. Откуда
Мне взять ее в холодной мгле?
Ты ищешь ясности, как чуда,
На затуманенной земле.
Ты мнишь ее посланцем тайным,
Во тьме сияющим мечом,
Всё озарившим — но случайным, -
Из туч прорвавшимся лучом,
Господним голосом из рая,
Поэтом, славящим любовь,
Когда, среди мертвых слов живая,
Звучит строка его стихов,
Блистаньем звёзд в полночном небе,
Теплом спасительных огней,
Молитвой о насущном хлебе
Всех обездоленных людей...
Ты жаждешь ясности. Откуда
Мне взять ее в холодной мгле?
Я сам ее ищу, как чуда,
На затуманенной земле.
1945

Лёд вокруг давным-давно не сколот,
От морозов затуманился восток,
Но страшнее чем полярный холод
Сердца равнодушный холодок.
Никого, подруга дорогая,
Никого умеющих помочь.
Только муза! Музыка такая,
Без которой жить уже невмочь.
1945

О годах медленного ига,
О днях бездомной пустоты
Твердит пророческая книга;
Но ветер вещие листы,
Как листья легкие, листают
(О, что ему века веков!).
И ясный вечер догорает
Над морем зреющих хлебов.
Не из кладбищенской пустыни,
Загробной местию дыша,

Идет сюда в вечерней сини
Твоя нетленная душа,
И за туманными чертами
Тебя нетрудно угадать:
Всегда, всегда была ты с нами
Неумирающая мать;
Мы слышим твой знакомый голос,
Ты нас опять зовешь в тоске
И мирный знак, созревший колос,
Несешь в протянутой руке.
1945

* * *

Отцу Николаю Иванову

Не георгиевский, а нательный крест,
Медный, на простом гайтане,
Памятью знакомых мест
Никогда напоминать не перестанет;
Но и крест, полученный в бою,
Точно друг и беспокойный, и горячий,
Всё твердит, что молодость свою
Я не мог бы начинать иначе.
1945

Казак

Ты такой ли, как и прежде, богомольный
В чужедальной басурманской стороне?
Так ли дышишь весело и вольно,
Как дышал когда-то на войне?
Не боишься голода и стужи,
Дружишь с нищетою золотой,
С каждым человеком дружишь,
Оказавшимся поблизости с тобой.
Отдаешь последнюю рубаху,
Крест нательный даришь бедняку,
Не колеблясь, не жалея — смаху,
Как и подобает казаку.
Так ли ты пируешь до рассвета,
И в любви такой же озорной,
Разорительный, разбойный, но при этом
Нераздельный, целомудренно скупой.
1945

* * *

Умей же, брат мой, без разбора
Всё изумительно ценить,

Простить разбойника и вора,
Обиду горькую забыть.
Без опасений, без оглядки
Встречать грядущие года,
И не играть с судьбою в прятки,
А быть ей вызовом всегда.
1945

Гурда

Гурда по-чеченски: держись!

1

На клинке блестящем у эфеса
Полумесяц рваный и звезда.
Нет на свете лучшего отвеса,
Чем отвес твой, драгоценная гурда.
В мире нет тебе подобной стали —
Невесомой, гибкой и сухой,
За тебя мюриды умирали,
Чтобы только обладать тобой.
Ты в руке испытанной у бека
Без зазубрин разрубала гвоздь,
Рассекала смаху человека
От плеча до паха наискось.
Говорят — и повторяют это —
Что тебя, с заклиньем на устах,
Выковал по просьбе Магомета
В поднебесной кузнице Аллах.
Для твоей неукротимой славы
Украшенья были не нужны:
Костяная рукоятка без оправы,
В темной коже — легкие ножны.

2

Мечь за сына, за отца, за брата,
За семью поруганную — мечь!
Нет войны священной газавата,
Но враги безжалостнее — есть.
Над имамом флаг зеленый реет:
Весь Кавказ привстал на стременах,
Над Баклановым по ветру веет
Черный, с черепами, флаг.
Рассыпались всадники по полю,
С каждым смерть скакала на-обочь,
На чеченскую седую волю
Опускалась северная ночь;
Над страницами раскрытого Корана
Оседала поднятая пыль,
Кзаки в аулах Дагестана,

На Гунибе — сдавшийся Шамиль.
Стала ты подругой у шайтана,
Породнилась с заколдованной рукой,
Черт Петрович, генерал Бакланов
Самовластно завладел тобой.

3

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

«Вдоль по линии Кавказской
Млад-сизой орел летал.
Он летает пред войсками
Наш походный атаман;
Он с походом нас поздравил,
Отдавал строгий приказ:
«Чтоб у вас, ребята, были
Ружья новые Берда'н,
Шашки острые в ножнах,
Пистолеты в кобурах...».
Что ты, ворон, что ты, черный,
Что ты вьешься надо мной?
Ведь добыча-то плохая:
Я — казак — еще не твой!».

4

Черт не спит. Ему давно не спится.
Скучно в Петербурге одному.
Старый черт из Гугнинской станицы
Был роднёю деду моему.
И ему, предчувствуя кончину,
Он тебя на память передал.
В Петербурге умер от кручины
Сосланный казачий генерал.
Дед носил тебя, ценить умея, —
И, уча, потом носить меня,
На кавказской узкой портупее
Из простого сыромятного ремня.

5

Ты одна со мною разделила
Юность бесшабашную мою,
Ты меня настойчиво учила
Нужному спокойствию в бою.
За тобой - баклановская слава,
А за мной — двадцатилетний пыл.
Подхватила нас казачья лава,
Сумасшедший ветер закружил.
Что тогда мне снилось и казалось?
Сколько раз рубил я сгоряча
Смерть свою, которая касалась
Ненароком моего плеча.
Помнишь вьюжный день на Перекопе?
Мертвый конь, разбитые ножны...

Много лет живя с тобой в Европе,
Ничего забыть мы не должны.
1945

Лермонтов

Через Пушкина и через Тютчева,
Опять возвращаясь к нему -
Казалось, не самому лучшему -
Мы равных не видим ему.
Только парус белеет на взморье,
И ангел летит среди миров,
Но вот, уже в Пятигорье
Отмерено десять шагов.
Не целясь, Мартынов стреляет,
Держа пистолет наискось,
И нас эта пуля пронзает
Сквозь душу и сердце - насквозь.
1946

Стамбул

Нет — ничего не минуло!
Месяц встает молодой:
Медленно всплыл над Стамбулом
Легкий челнок золотой.
Снова по звездным дорогам,
Снова в райских садах
С нашим доверчивым Богом
Вместе гуляет Аллах.
В бедной кофейне Скутари
Предок мой песни поёт.
Прошлое нас не состарит,
Прошлое к сердцу прижмёт.
Голос, гортанно поющий,
Город в ночи голубой!
Горечь кофейной гущи
Запью ледяною водой.
1946

Девять Восьмистиший

1

Еще сердце, как будто исправное,
Но не верит больше стихам.

Только лучшее, самое главное
Перед смертью тебе передам.
И ты щедро станешь разменивать
Серебро на медный грош,
Уверять, что я на Тургенева
Безответной любовью похож.

2

Всё теряю время на людей ненужных,
На ненужные затеи и дела,
Всё стараюсь в непробудной стужи
Отогреть заочневшие тела.
Всё людей живых найти стараюсь
И своим, в который раз, кольцом
Снова расточительно меняюсь
С погибающим от скуки мертвецом.

3

Широка, просторна и легка
У казачки вольная походка —
Так плывут над степью облака,
Так плывет и парусная лодка,
Лебединой грудью наклонясь,
Так любовь внезапная приходит,
Так и ветер в буераках бродит,
Никого на свете не боясь.

4

Учился у Гумилёва
На всё смотреть свысока,
Не бояться честного слова
И не знать, что такое тоска.
Но жизнь оказалась сильнее,
Но жизнь оказалась нежней,
Чем глупые эти затеи
И все разговоры о ней.

5

Есть стихи, которых не повторишь.
Знаю, не к лицу мне грусть.
Зря ты их меня читать неволишь,
Зря запоминаешь наизусть.
А потом не понимаешь шуток
И не веришь в беззаботный смех, —
Для тебя любовь — как первопуток,
Для меня - уже последний снег.

6

Одинаково для бедных и богатых
Светит солнце, и цветут цветы,
В небо поднимаются закаты,
Звёзды ниспадают с высоты.

Одинаково Господь внимает
Всем молитвам и прощает всех,
Кто же нам с тобою посчитает
Нашу нежность за великий грех.

7

Так и ночью узнаёшь наощупь
В темноте знакомые черты.
Стала ты доступнее и проще,
Но рабынею не стала ты.
И в неволе, в нищете, в позоре,
Черным воздухом мучительно дыша,
Всё еще гуляет на просторе
Смерти не подвластная душа.

8

Ничего не сохранила память
Из того, что сердце берегло.
Всё, что было неразлучно с нами,
Отлетело, отсняло, отцвело.
Каждый день рождается впервые.
Что такое память и к чему?
Каждый день ворота золотые
Раскрываются в Господнем терему.

9

В этой доле самой лучшей,
Самой страшной и простой,
Я тебе доверил ключик
От шкатулки золотой.
В ней лежит моя тревога,
Сердце вешее лежит,
И на самом дне немного
Нерастраченной души.
1946

Игра

Игра сдана и начата.
Глухая ночь. Начало марта.
Любимый месяц, но не та
Опять ко мне приходит карта.
Опять, как будто бы назло,
Я лишь фигуры прикупаю.
Мне никогда так не везло,
Но я играю и играю.
За ночь одну я поседел.
Бледней стены, в табачном дыме,
Я не сдаюсь. Ломая мел,
Твое нетронутое имя

Пишу на залитом сукне,
В чаду разгрома и попойки,
В залог всему. И снова мне
Дают валета к нищей двойке.
Иль я не создан для игры,
Иль я, действительно, не молод,
И вот, в Тартар-таргарары
Лечу стремглав, вдыхая холод
Непоправимого конца,
Игры проигранной до праха,
И нет, как нет у мертвеца,
Во мне сомнения и страха.
1946

* * *

Потерявши всё, ты станешь чище,
Будешь милосердным и простым,
И придешь на старое кладбище
Посидеть под дубом вековым.
Без стремлений пылких, без обмана.
Жизнь, как есть! Смиренье и покой.
Хорошо под сенью великана
Отдыхать смущенною душой,
Птицей петь в его зеленой чаще
И листочком каждым дорожить.
Жизнь, как есть! Но жизнью настоящей
Только дуб еще умеет жить.
Грузно поднимаясь в поднебесье,
Он вершинами своих ветвей
Ничего уже почти не весит
В вознесенной вечности своей,
И, уйдя в подземный мир корнями,
Над безмолвием могильных плит,
Над еще живущими, над нами,
Как он снисходительно шумит.
1946

* * *

Я шел по дороге и рядом со мной
Кружился листок золотой.
Летел он по ветру, потом отставал
И снова меня догонял.
Не это ль твоя золотая душа
Решила меня провожать,
Напомнить, что близок положенный срок
Осенний дубовый листок?
1946

* * *

Из всех мечтаний лучшая мечта
О бедности бездомной, о свободе,
О том, быть может, недалеко где,
Когда вся жизнь окажется проста,
Как жизнь вот этого дубового куста.
Он крепче всех стоит в молодняке,
Вокруг него лепечет мелколесье,
А старый лес молчит невдалеке,
Как будто всё он пережил и взвесил.
Дубовый куст дает тебе приют —
Ложись под ним и засыпай, бродяга.
Ты отдохнешь, ты будешь счастлив тут,
На склоне неглубокого оврага.
Ты будешь спать на шелковой траве,
Под вечер неожиданно проснешься
И над тобой склонившейся листве,
Как матери, спросонок улыбнешься.
1946

* * *

И утром вставать на заре,
И вечером поздно ложиться,
В однообразной игре
Кружиться, кружиться, кружиться.
И виду нельзя подавать,
Что солнце порою не светит, —
И годы тебя не видать,
И знать, что живешь ты на свете.
1946

Степь

Памяти отца

1

Был полон мир таинственных вещей,
А я был жаден, беспокоен, зорек,
В Донце ловил я голубых лещей,
И хищных щук, и сонных красноперок.
А в длинных буераках за Донцом,
Без промаха стреляя куропаток,
Я мог уже соперничать с отцом,
С охотниками быть запанибрата.
Я забывал, что надо пить и есть,
Собака верная со мной не разлучалась,
Ее в репьях всклокоченная шерсть
Руном мне драгоценнейшим казалась.
И не было подобных ей собак,
И не было страны подобно этой,
Где б можно было задыхаться так

От счастья и от солнечного света.
Сияла степь всё суше, горячей...
И нежностью уже нечеловечьей
Звучал мне голос... Только голос чей?
Наверно, твой, тоскующий кузнечик.

2

Опять в степи неугомонный ветер.
Свистит ковыль, качается бурьян.
Опять ирландец — годовалый сеттер,
От дикого простора полупьян,
Кружит, кружит широкими кругами,
А дичи нет — какая пустота.
В печальном небе высоко над нами
Летят, не опускаясь, стрепета.
Весь птичий мир готовится к отлету,
Пернатый мир давно настороже;
Сентябрь зовет на псовую охоту,
Не видя толку в дробовом ружье.
Но мы с тобой, мой рыжий пес, не верим,
Что нашей воле подошел конец, -
По малолетству за осенним зверем
Не пустит нас стареющий отец, —
Кружим, кружим в степи, не отдыхая,
Авось, еще нарвемся на дрофу,
Иль диких уток обнаружим стаю
Под вечер в мочажинах на лугу.
Но степь мертва. За черными скирдами
Под ветром тлеет медленный закат,
И машет нам тревожными руками -
Зовет домой - полураздетый сад.
Отец сидит за бесконечным чаем,
Бушует ночь вслепую на дворе,
И мы с ирландцем рядом засыпаем
В отцовском кабинете на ковре.

3

Священный час еды! Благословенный час,
Ниспосланный голодным и усталым.
Кулеш, заправленный малороссийским салом,
Кипит, дымясь, в чугунном котелке.
Счастливым день, ниспосланный от Бога!
Возница мой увел коней к реке
На водопой, где мокрая дорога
Парома ждет. Но не спешит паром,
И мне уже не надо торопиться -
Куда спешить, когда уверен в том,
Что этот день не может повториться.
Дождь отшумел давно. Но солнца нет, как нет,
И длится час блаженного покоя.
И льется на поля такой чудесный свет,
Что кажется весь мир одетым в голубое.

1946

Был влажный ветер — ветер низовой.
Был теплый дождь и золотая просинь,
И солнце было над моей рекой,
И я, весь вымокший, на глиняном откосе.
Сиял волна'ми полноводный Дон,
И радуга возвышенно сияла, —
Такой простор сиял со всех сторон,
Что у меня дыханья не хватало.
1947

Пролетели лебеди над Доном,
Тронулся последний лёд.
Ветер голосом счастливым и влюбленным
Не шумит над степью, а поёт.
Он поёт: «Мне незнакома жалость.
Я не знаю, что такое грусть,
Всё на свете мне легко досталось,
И легко со всем я расстаюсь».
1947

1917 год

Казакам вчера прислали с Дона
Белый хлеб, сузьму и балыки,
А двенадцать ведер самогону
Сами наварили казаки.
Не страшит очередная пьянка,
Стал теперь я крепче и сильнее,
И душа, как пленная турчанка,
Привыкает к участи своей.
Сколько раз она слыхала сряду
Эту песню про зеленый сад:
Рассыпались яблоки по саду,
А казак не возвращается назад;
Понависли по-над Доном тучи,
Разгулялся ветер низовой,
Не водою, а слезой горючей
Хлынет дождь из тучи грозовой...
И не пленницей душа моя отныне,
А любовницею станет у стихов
В этот синий вечер на Волыни,
Среди пьющих и поющих казаков.
1947

* * *

Каждой мимолетности в угоду
Разделю я сердце пополам,
Но свою веселую свободу
Никому на свете не отдам.
1947

* * *

Равных нет мне в жестоком счастье:
Я, единственный, званный на пир,
Уцелевший еще участник
Походов, встревоживших мир.
На самой широкой дороге,
Где с морем сливается Дон,
На самом кровавом пороге,
Открытом со всех сторон,
На еще неразрытом кургане,
На древней, как мир, целине, -
Я припомнил все войны и брани,
Отшумевшие в этой стране.
Точно жемчуг в черной оправе,
Будто шелест бурьянов сухих, -
Это память о воинской славе,
О соратниках мертвых моих.
Будто ветер, в ладонях взвесив,
Раскидал по степи семена:
Имена Ты их, Господи, веси -
Я не знаю их имена.
1947

* * *

Опять гроза! Какие грозы
У нас с тобою на пути!
И зацветающие розы
Не успевают расцвести.
Опять над нашим бедным садом,
Где должен встретиться с тобой,
Гроза кипит дождем и градом,
Гуляет ветер ледяной.
1947

Было их с урядником тринадцать -
Молодых безусых казаков.
Полк ушел. Куда теперь деваться
Средь оледенелых берегов?
Стынут люди, кони тоже стынут,
Веет смертью из морских пучин...

Но шепнул Господь на ухо Сыну:
«Что глядишь, Мой Милосердный Сын?».
Сын тогда простер над ними ризу,
А под ризой белоснежный мех,
И всё гуще, всё крупнее книзу
Закружился над разъездом снег.
Ветер стих. Повеяло покоем.
И, доверясь голубым снегам,
Весь разъезд добрался конным строем,
Без потери к райским берегам.
1947

* * *

Мне снился потрясенный лес
Убийством белочки-белянки;
Он, как толпа, шумел окрест
Заросшей ельником полянки.
И я услышал — в первый раз -
Под общий ропот возмущенья
Дубов взволнованный рассказ
О совершённом преступленьи,
И я увидел, как листва
С листвою в ужасе шепталась,
И ближней ёлки голова
Над мертвой белочкой склонялась.
1947

Москва

Петру Кумишацкому

Заносы. Сугробы. Замерзшие глыбы
Сползающих с кровель снегов.
Цепные медведи вставали на дыбы,
Ревели от холодов.
У Тёмных, у Грозных, у Окаянных
За шерстью не видно лица:
Иваны, Иваны и снова Иваны,
И нет тем Иванам конца.
До белого блеска сносились верига.
На улицах снежная муть.
Татарское иго — Московское иго:
Одна белоглазая чудь!
Что было однажды, повторится снова,
Но неповторна тоска.
На плаху, на плаху детей Годунова:
Москва ударяет с носка!
Пылают кострами Замоскворечье,
Раскинулся дым по базам,

Сожгли Аввакума, затеплили свечи:
Москва не поверит слезам!
Москва никому не поверит на слово,
Навек прокляла казаков,
И выпила черную кровь Пугачёва
И Разина алую кровь.
Метели всё злее. Завалены крыши.
Москва потонула в снегах.
Но чьи это души, всё выше и выше,
Плывут над Москвой в небесах?
В теплицах цветут басурманские розы,
На улицах — снежная муть.
Толстой - босиком, на машине Морозов
Свершили положенный путь.
Цыганские песни. Пожары на Пресне.
А вот — и семнадцатый год.
Всё выше и выше, просторней, чудесней
Души обреченный полет.
По небу полуночи... Черное небо,
А хлеб еще неба черней.
И шепотом, шепотом: корочку хлеба
Для беспризорных детей.
Но, как при Иванах, при Тёмных, при Грозных,
Молитвам не внемлет земля.
По небу полуночи... Красные звёзды
Мерцают на башнях Кремля.
1947

Треббия

Увозили раненых. Убитых
Зарывали наспех. Бивуак
Был в кострах. У придорожного корыта
Двух коней поил седой казак.
Кони пили жадно. Над полями
Свет стоял вечерний, золотой.
Дым стоял над русскими кострами,
Горький дым в долине голубой.
Треббия. Италия. Из чашки
Щи хлебал неспешно старичок,
В пропотевшей бязевой рубашке,
Бросив полотенце на плечо.
Треббия. Италия. А где-то
Есть Кончанское - родительский порог.
Нет конца, и края нет у света
Для солдатских полусбитых ног.
Нет суровее солдатских разговоров:
Об увечьях и о смерти, наконец, -
Александр Васильевич Суворов
Не фельдмаршал, а родной отец.

1947

Ветер был такой ужасный,
Что, казалось, все деревья
Будут вырваны с корнями,
В поднебесье улетят,
Где дымился темно-красный,
В тучах с медными краями,
Разгораясь постепенно,
Ужасающий закат.
И, казалось, что на свете
Никогда уже не будет
Ясных дней, ночей спокойных,
Жизни мирной и простой, —
Будет только этот ветер,
Тучи в огненной полуде,
Да осенний лес шумящий,
С облетевшею листвою.
1948

Никто нас не вспомнит, о нас не потужит;
Неспешной водой протекают года.
И было нам плохо, и станет нам хуже, -
Покоя не будет нигде, никогда.
Да мы и не ищем спокойного года,
Да нам и не нужен покой:
Свобода еще с Ледяного похода
Для нас неразлучна с бедой.
1948

* * *

Бог спас деревню от беды!
Поля завалены снопами,
Стоят счастливые сады,
Отягощенные плодами.
Теперь ничто им не грозит -
Ни град, ни засуха, ни ветер,
И синева легко сквозит
Сквозь листья...
Маленькие дети
Спешат веселою гурьбой
Туда, где опадают сливы,
Они счастливы, Боже мой,
По-настоящему счастливы,
Как день воскресный без забот,

Как звон пчелы, домой летящей,
Как этой ласточки полёт,
Такой воздушный и скользящий.
1948

Любезны мне пчела и муравей -
Бог знает, кто из них трудолюбивей, -
И праздный полуночник-соловей,
И ворон-вор, гуляющий по ниве.
Лежу в траве. Гляжу - не нагляжусь
На облака, на небо голубое,
Родное, недалекое - такое,
Что, кажется, рукой его коснусь.
1948

* * *

Поскупей на слова, посуровей,
Но нежней и сердечней втайне,
Не боясь ни смерти, ни крови,
Ни в жизни, ни на войне.
Короче, как можно короче,
В стихах о себе, о судьбе.
Но всецело: и дни, и ночи —
О тебе, о тебе, о тебе.
1948

Под утро на вечере этом
Стояла жемчужная мгла,
И был я подростком-кадетом,
А ты институткой была.
И жизнь начиналась сначала
Под утро на этом балу,
Всю ночь ты со мной танцевала,
Кружилась на скользком полу.
И музыка, музыка! Снова
Казалось нам прошлое сном,
И жизнь прожитая в оковах
Лежала в снегах за окном.
И как над безвестной могилой,
Над прахом, над снегом, - над ней
Бессмертно сияли светила
Твоих изумленных очей.
1948

Казалось бы: пора и на покой, -
Кой-что забыть, со многим примириться,
По осени в дубраве золотой
С минувшим летом распротиться.
Дни холодней. И скоро первый снег
Слетит с небес, закружится по полю,
Но вот - древесный молодой побег
Еще упорно тянется на волю,
Еще трепещет свежую листвою,
Когда вокруг давно всё омертвело...
Моя душа, что делать мне с тобой,
Любовь моя, что мне с тобою делать?
1949

* * *

Почему с утра я полупьяный —
Захмелел внезапно без вина,
И не улица, а светлая поляна
Мне сегодня из окна видна;
Не дома парижского предместья,
А деревья распушились по весне,
И шумят с весенним ветром вместе
И стучат во окно ветвями мне...
Боже мой, откуда столько счастья
О котором рассказать нельзя, -
Почему мне: и Твое участие,
И все люди, до единого, друзья?
Ведь кругом всё смутно и неверно,
А я сам давно погряз в грехе...
Это кто-то написал, наверно,
За меня хорошие стихи.
1949

* * *

И снилось мне, что будто я
Познал все тайны бытия,
И сразу стал мне свет не мил,
И всё на свете я забыл,
И ничего уже не жду,
И в небе каждую звезду
Теперь я вижу не такой,
Как видел раньше - золотой, —
А бледным ликом мертвеца,
И мертвым слухом мудреца
Не слышу музыки светил.
Я всё на свете разлюбил,
И нет в груди моей огня,
И нет людей вокруг меня...
И я проснулся на заре, -
Увидел церковь на горе,

И над станицей легкий дым,
И пар над Доном золотым,
Услышал звонких петухов, —
И в этом лучшем из миров
Счастливей не было людей
Меня, в безопасности своей.
1949

Знамя

Мне снилось казачье знамя,
Мне снилось - я стал молодым.
Пылали пожары за нами,
Клубился пепел и дым.
Сгорала последняя крыша,
И ветер веял вольней,
Такой же - с времен Тохтамыша,
А, может быть, даже древней.
И знамя средь черного дыма
Сияло своею парчой,
Единственной, неопалимой,
Нетленной в огне купиной.
Звенела новая слава,
Еще неслыханный звон...
И снилась мне переправа
С конями, вплавь, через Дон...
И воды прощальные Дона
Несли по течению нас,
Над нами на стяге иконы,
Иконы - иконостас;
И горький ветер усобиц,
От гари став горячей,
Лики всех Богородиц
Качал на казачьей парче.
1949

Переправа

Музе

Стояла на башне Азова,
И снова в боях постоишь,
Вручала мне вещее слово,
И снова другому вручишь.
Одна ты на свете, родная!
Идут за годами года,
Летит стрепетинная стая,
Струится донская вода.

И где бы, и с кем бы я не был,
Меня ты повсюду найдешь,
Под это высокое небо
На берег степной приведешь;
В предсмертный туман, без возврата,
Где ждет меня черный паром:
Мой прадед стоит у каната,
Прабабка стоит за веслом.
И буду уверен, что близ ты
В тумане стоишь над рекой,
Направо - туман золотистый,
Налево - туман голубой.
1950

Разлука

à Sainte-Généviève-des-Bois

1

Смерть не страшна: из праха в прах, —
Ты подождешь, друг милый,
Меня в молчаньи и в цветах
Супружеской могилы.
Кому-то надо подождать:
Господь решает просто,
Кто должен раньше отдыхать
В земном раю погоста.
Мы все уходим налегке,
Видав на свете виды,
И щебет птиц в березняке
Поет нам панихиды.
А купол церкви голубой
Плывет воздушным шаром...
Какой покой! Друг дорогой,
Мы прожили не даром!

2

Хорошо, что ветер. И звезда такая,
Что уже на свете нет другой звезды.
Для меня одна ты светишь, золотая,
На меня глядишь ты с черной высоты.
Никакого горя, никакого гроба —
Только бы до встречи поскорей дожить.
Хорошо, что вместе так прожили оба,
Как на этом свете никому не жить.

3

Еще весь лес такой сквозной,
Что виден издали подснежник,
Над прошлогоднею листвой

Он всех цветов белеет прежде.
Ему и дела нет, что здесь
Зимою не бывает снега, -
Весенний первенец, он весь
Свидетель зимнего побега.
Иду в блаженном полусне.
Вокруг всё так легко и просто,
И не препятствует весне
Соседство русского погоста.

4

Нет воздушней этого тумана,
Призрачней нет голубизны,
Только надо выйти спозаранок
К перелескам Женевьевской стороны.
Город близок. Но весна поближе,
Мимолетная французская весна,
Даже к верноподданным Парижа
Благосклонна и внимательна она.
Жизнь еще не прожита, отпета.
Встреча будет, только погоди.
Впереди счастливейшее лето,
Много света будет впереди.

5

Не говорить и не писать, не думать,
А только сердцем чувствовать, что ты
Вот здесь, вдали от городского шума,
Со мной глядишь на деревенские цветы,
На это медленно стареющее лето,
Которое не хочет уходить,
Всё ждет, Бог весть, какого-то ответа
И до конца всё хочет пережить,
На эти голубеющие склоны
Полей над безымянною рекой
И на дубок, такой еще зеленый,
Что нет сомнений: встретимся с тобой!

6

Глядеть, глядеть! И глаз не отрывать,
И знать, что никогда не наглядеться
На Божий мир. Какая благодать,
Какая радость для стареющего сердца.
И здесь, в чужом, и там, в родном краю,
В деревне под Парижем и в станице,
Где жег огнем я молодость свою,
Чтоб никогда потом не измениться,
Всё тот же воздух, солнце... О простом,
О самом главном: о свиданьи с милой
Поет мне ветер над ее крестом,
Моей уже намеченной могилой.
1950-52

* * *

Мороз крепчал. Стоял такой мороз,
Что бронепоезд наш застыл над яром,
Где ждал нас враг, и бедный паровоз
Стоял в дыму и задыхался паром.
Но и в селе, раскинутом в яру,
Никто не выходил из хат дымящих, —
Мороз пресек жестокую игру,
Как самодержец настоящий.
Был лед и в пулеметных кожухах;
Но вот в душе, как будто потеплело:
Сочельник был. И снег лежал в степях.
И не было ни красных и ни белых.
1950

Отныне, навеки и присно!
Господь, оглянись на слугу:
Для Тебя ведь казачьи письма,
Как святыню, я берегу.
Они писаны потом и кровью,
Непривычной к писанью рукой,
С твердой верой в Тебя, и с любовью
К человеческой правде мирской.
И во сне, как в священном обряде,
На коленях, во прахе, скорбя,
Я стою пред Тобой на докладе -
За бездомных прошу я Тебя:
В чужедальних краях, без причала,
Казакам и не снится покой —
Приласкай на земле их сначала,
А потом у Себя успокой.
1950

Мы ничего ни у кого не просим.
Живем одни, - быть может, потому,
Что помним добровольческую осень
И наше одиночество в Крыму.
Тогда закат раскрыл над нами веер,
Звездой вечерней засияла высь;
С утра мы бились с конницей — на север,
Потом - на юг - с пехотою дрались.
Мы тесно шли, дорогу пробивая.
Так бьет в утес девятая волна.
Последний бой! Идет не так ли стая
Волков, когда она окружена?
И мы прошли. Прошла и эта осень,
Как бег ночной измученных коней -

Еще не знали, что с рассветом бросим
На пристани единственных друзей.
1950

* * *

Мы уходили налегке,
Мы уплывали торопливо
На взятом с боя челноке,
В волнах осеннего разлива,
И быстроводная река
В крутых кругах водоворотов
Несла нас, пенясь и кипя...
Как хорошо! Но жаль кого-то.
Кого? Но только не себя!
1950

Путь

Твой отец в далекой ссылке,
Мать его не дождалась,
Поклонись ее могилке,
Истово перекрестясь.
Уцелевшего соседа
Ты под вечер навести —
Потаенная беседа
И прощальное «прости».
Ты не мальчик! Все пятнадцать
На плечах твоих годов,
В эти годы нужно драться,
Надо знать своих врагов.
Говорят — и правда это —
У какой-то там реки,
В чужедальнем крае где-то
Проживают казаки.
Уходи, пока не поздно,
Взять землицы не забудь,
И по солнцу, и по звездам
Ты найдешь свой верный путь.
1957

Шлях

Всё те же курганы
И гетманский шлях,
Седые бурьяны
На снежных полях,
А вечером поздно,

Уже наверху,
Знакомые звёзды
На Млечном шляху.
В морозной полуде
Родное окно —
Какие-то люди
Живут здесь давно,
И дом мой им тоже
Такой же родной,
Как будет он позже
Для смены другой.
Приходят, уходят
И снова придут,
Но старые песни
Уже не поют,
Никто и не знает
О песне такой:
За Доном гуляет
Казак молодой!
1951

Дети сладко спят, и старики
Так же спят, впадающие в детство.
Где-то, у счастливейшей реки,
Никогда не прекратится малолетство.
Только там, у райских берегов,
Где с концом сливается начало,
Музыка неслыханных стихов,
Аодки голубые у причала;
Плавают воздушные шары,
Отражая розоватый воздух,
И всегда к услугам детворы,
Даже днем, немеркнувшие звезды.
И являются со всех сторон
Человеку доверяющие звери,
И сбывается чудесный сон,
Тот, которому никто не верит.
Только там добры и хороши
Все, как есть, поступки и деянья,
Потому что взрослых и больших
Ангел выгнал вон без состраданья.
1951

* * *

Что и не снилось мудрецам?
Об этом знают, может, птицы,
Передают своим птенцам,
Когда пора им опериться.

Об этом знает, может, мать,
Когда она дитя жалеет,
Но вот не может передать
И даже высказать не смеет.
Об этом музыка звучит.
Шумят леса и камни знают,
Когда все звездные лучи
На эти камни ниспадают.
Об этом знает целый мир,
Но вот от века и до века,
Как собеседника на пир,
Не позовет он человека.
1951

* * *

Кажется, всё сказано и спето,
Всё, что было выпито до дна.
Франция, люблю тебя за это,
Предосенняя моя голубизна.
Всё, что надо и не надо, отдавала,
И еще готова дать,
Но не то, что тайно сберегала
И которого никак не взять.
Что ж, еще, голубушка, помучай
Человеческие, варварские сны
Этой долей — самой трудной, лучшей -
Всё еще возлюбленной жены.
1951

Ярмарка

1

Это было опять в воскресенье,
Но теперь — у восточных ворот.
Тот же пригород, ветер весенний,
Та же ярмарка, тот же народ,
Карусели, зверинец и тот же
Старый лев за решеткой такой,
Что, казалось, выломать сможет
Эти прутья мальчишка любой.
Проходили воскресные люди:
Длинный день без забот и хлопот,
И стоял перед клеткою пудель,
Самый страшный собачий урод.
Он рычал, вызывая на драку,
Вспоминая собачьи слова,
И никто не одернул собаку,
Пожалев беззащитного льва.

2

Мне обезьяна вытащила счастье,
Бумажку голубую, и на ней
Написано: «Созвездье Водолей
Вас сохранит от всякого несчастья!».
Одиннадцатый месяц... Зодиак...
Что знаю я об этом Водолее?
Но вот поверил, и поверил так,
Что стало всё вокруг меня светлее,
И нет злодеев и плохих людей.
И ты стоишь у дома на подъезде
Веселой памятью давно минувших дней,
Сиявших нам на родине созвездий.

3

Снова дивные затеи,
И арена, и лакеи;
Ты взлетаешь над толпой
Акробаткой цирковой.
Не звучит смешное слово
И боится старый клоун:
Недостаточно высок
Полотняный потолок.
Всё тревожней скрип трапеций,
Всё счастливей бьется сердце,
И, в сиянии голубом,
Ты уже за потолком.
Боже мой, как небо звёздно!
Никогда еще не поздно -
На землю, домой,
Вниз головой.

4

Предпраздничная давка,
И в детской толчее
Теперь любая лавка
В архангельском луче.
Картонная корона,
Улыбка на устах,
Французская мадонна
С младенцем на руках.
И дети, дети, дети
Несметною толпой,
Как жизнь, как звёзды эти
В Париже надо мной.
1952-53

Водоём

Как хорошо! Шумит вода,

В дубраве горлица воркует,
Недаром мы пришли сюда,
И ветер нас с тобой целует.
Как хорошо! И мы уйдем,
И вместо нас придут другие.
Беды не будет: в водоем
Слетают капли дождевые.
1953

Память

In vino Veritas

Чем себя утешить?
Только память —
Идол неразлучный мой —
Жаркое повстанческое знамя
Поднимает на вершине снеговой.
Чем себя потешить?
Только этим,
Бедняку доступнейшим вином:
Десять строк у стойки, на рассвете
В дивном одиночестве моем.
1953

Баллада

Страшное дело. Черная ночь.
С ведьмой жила черноокая дочь.
Дева была холоднее, чем лёд.
А под окошком, всю ночь напролёт,
Старая ведьма водила коня:
Конь мой потом не глядел на меня.
1953

* * *

Святого Лазаря вокзал,
И звездная дорога,
Опять на поезд опоздал,
Задумавшись немного.
Опять уходят поезда
И с грохотом, и с дымом,
Но путеводная звезда
Меня уводит мимо.
1953

И вечер - розовый плетень —
Зовёт к покою прислониться,
Кольшет медленную зыбь,
Кукан баюкает на зыби...
Я выпущу на волю рыб,
Верну свободу каждой рыбе.
Но мой порыв пойдёт ли впрок,
Напомнит им о смерти либо?
Не поведет ли поплавок
Уже наказанная рыба?
Вот так, побывшие в плену
Не сразу доверяют воле,
И пережившие войну
Опять твердят о ратном поле.
1954

Вертеп

В самой темной, снежной, непробудной,
Бесконечно затянувшейся ночи
Вдруг почувствовать торжественно и чудно
Глазу недоступные лучи.
Вдруг увидеть голубые дверцы
В тот вертеп, где расступилась тьма,
И твое младенческое сердце,
Двухтысячелетняя зима.
1955

Кузнечик

Все мы с детства знаем: к Рождеству
Всё на свете и чудесней, и добрее.
Снег, упавший на опавшую листву,
Под листвой кузнечика согреет.
И на елках, зеленеющих вокруг,
Разноцветные зажгутся свечи.
Рождество, мой музыкальный друг.
Рождество, мой дорогой кузнечик.
И скрипач весною с торжеством
Воскресение прославит в песне.
Все мы с детства знаем: Рождеством
Всё необычайней и чудесней.
1955

Деревня

1

Хлеба. Дорога. Ни души.
Всё замечательно и просто.
Тяжелый памятник Груши
В начале сельского погоста.
А дальше легкие кресты
Иных, негромких поколений;
Из века в век стоят мосты
Для молчаливых поселений.
Всем хватит места. И земля
Не беспокоится об этом.
Опять дорога и поля
Под торжествующим рассветом,
И недалекое сельцо,
Восходят дымы тиховойней
И полусонное крыльцо
Гостеприимнейшей кофейни.
Я выпью ром, ты - молоко,
Черёд, придуманный не нами.
Шагай просторно и легко
И веселей маши руками.

2

Цветет французская заря
Над пробудившейся деревней.
Нет, я сюда пришел не зря,
Вот к этой церкви очень древней.
Какой-то баснословный век,
На предыдущий век похожий;
Средневековый человек,
Как я теперь, здесь был прохожий.
И это нас роднит. Века,
На книжных полках тяжелея,
Играют с нами в дурака,
Чем дальше — больше и вернее.
И мы, потворствуя векам,
Всё реже вспоминаем встречи,
С небес ниспосланные нам,
Совсем простые, человечьи.

3

Зодчий, зодчий! Что ты строишь — отчий
Или новый, незнакомый дом?
Скоро осень. Дни уже короче.
Надо бы подумать о другом.
Крот жилище под землею роет,
Птица вьет воздушное гнездо,
Человек себе хоромы строит,
И всегда не так или не то.
Как бы нам найти небесной манны,
Чтобы жить по-Божьи без гроша?
Помнишь наш донской курень саманный

С кровлей из простого камыша.

4

Будут уничтожены деревья,
Будут уничтожены поверья,
Что деревья нас перерастут,
Вечно устремляясь в высоту.
Будет поле. Обмелеют реки.
Еще ниже станут человеки,
Повторяя вещие слова:
Всё на свете трын-трава.

5

Что-нибудь такое,
Детское, простое,
Всем давным-давно
Знакомые слова:
Небо голубое,
Солнце золотое,
Глаз твоих веселых
Зеленой трава.

6

Стакан вина. Благословенный хмель.
Конечно, мир доверчив и прекрасен,
Как этот приبلудившийся кобель,
У ног моих лежащий на террасе.
1955-56

* * *

Веял ветер. Осыпался колос.
Среди звёзд плыла на юг комета.
Был твой нежный, потаенный голос
Голосом с другого света.
Перечислены давно все звёзды,
Наливаются и осыпаются колосья,
Но как редко сквозь привычный воздух
Ветер музыку нездешнюю доносит.
1956

* * *

О главном, непокорном - о стихах,
О ненаглядном — о природе,
Вновь расцветающих цветах,
О драгоценном — о свободе
Ты говорил. Сибирских лагерей
Вотще осталось угнетенье.
Христос Воскрес! И всё нежней
Ты веришь в праздник воскресенья.
1956

Стихами одержимый караим,
И ангел был особенного цвета,
Как ночью озаренный дым.
Тифозный бред. Теплушка. Человечий
Призыв о нежности в семнадцатом году.
Снега, снега. И ангельские речи
В сорокоградусном бреду.
1957

* * *

Есть что-то оскорбительное в том,
Что этот наглый и беспутный ветер
Ломает розы и летит потом
Для новых буйств на беззащитном свете
1957

Не влюбленность, а любовь и жалость,
Не весна, а осень впереди:
Очень кратковременная старость,
С очень краткой жизнью позади.
Только жить, как верится и снится,
Только не считать года,
И в Париже, где чудесные больницы,
Не лечиться никогда.
1957

У тебя свои заботы.
У меня свои забавы.
Расходиться? Что ты, что ты:
Оба мы с тобой неправы.
И не может одинаков
Жребий быть у нас с тобою -
У меня молчит собака,
У тебя собака воет.
Значит, так и надо. Что же
Огорчатся по-пустому,
Каждый пусть живет, как может,
А никак не по-другому.
1957

* * *

Я гадал в лесу: когда же,
Наконец, меня уважишь
И приедешь к старику?
Но болтунья и пустушка,
В этот странный день кукушка

Онемела на суку.
Дивные бывают вещи.
Обратился к птице вешей,
Чтоб узнать, на сколько дней
К новой хижине моей
Ты приедешь.
 «Никогда!», -
Каркнул ворон.
 «Навсегда!», -
Отвечал я ворону,
Отвернувшись в сторону.
1958

* * *

Милый мальчик с грустными глазами,
Милый пальчик ангельской руки;
Никого знакомых между нами
Нет, напоминающих таких.
И хмельней вина моя отрада -
Знать, и негодуя, и любя,
Что, когда мне жить не станет надо,
Жизнь едва начнется для тебя.
1958

* * *

Нельзя всё время пировать,
Нельзя всё время ликовать
И знать, что только жду я
Вина и поцелуя.
Нельзя! Но может быть, потом,
За незамеченным трудом
Свою увижу тень я —
Ненужные сомненья.
1959

* * *

За стихов нежданное начало,
Музыку нежданную стихов,
Проплывающих над нами без причала,
На стихи похожих облаков, -
Я не знаю, - за цветочки ль эти,
Беленький горошек у межи,
Только стоит жить на этом свете,
Долго еще стоит жить.
1959

— Где мой отец?

— Он на войне,
— Но нет войны!
— Она всё длится.
— Но мне отец опять приснится.
— Где мой отец?
— Ах, перестань!
— Его я часто вспоминаю,
Он где-то близко.
— Перестань:
Я ничего о нем не знаю.
1959

Ночь

Роману Гуль

Снег в ночи светился на скале.
Под скалою, в сакле, перебранка.
Негритянка ела белый хлеб,
Пушкинская мама, негритянка.
Лермонтову было не до сна,
Ангелы метались в поднебесьи.
В преисподней волновался сатана,
Собираясь Тютчева повесить.
Было всё как будто невпопад.
И, событий в мире не касаясь,
Звездный низвергался водопад,
Над землей всё выше поднимаясь.
1959

Полустанок

На каком-то полустанке
Ни часов, ни расписаний,
Удивительно бесшумно
Пролетают поезда.
Сновиденческое место
Предназначенных свиданий,
Всех, кого сюда приводит
Путеводная звезда.
Может длиться ожиданье
Очень долго.
На мгновенье
Остановится курьерский,
Содрогаясь, весь в пару.
Снег да ветер!
Расставанье,

После долгих лет разлуки,
Европейских променадов,
Вновь в снегах и на ветру.
— На Кавказ!
— Стокгольм!
— На Вислу!
Ты опять на Монпарнассе?
Сумасшедший поезд свистнул
И умчался восвояси.
1959

В кафе

Что лучше может быть пустынного кафе
Под вечер на окраине Парижа.
Париж лежит на голубой софе
И ничего не видит и не слышит
Направо от меня. И я гляжу в окно:
Его тысячелетний профиль
Увидеть всем уже пора давно
Отсюда. Ром, крепчайший кофе
Ему под стать, да и тебе под стать,
Стареющий пришелец без возврата,
Вот только б вспомнить, записать,
Что снилось мне на родине когда-то.
И на углу трактирного стола
Пишу, что дома не писалось,
Что ты жива, не умерла,
Как мне случайно показалось.
1959

Каникулы

Тикусе В. Федоровой

1

Мне тайный голос говорил:
«Не убивай - беда случится!»,
И руку мне остановил
Пред к смерти обреченной птицей.
Но мой парижский карабин
Был этим очень недоволен:
«Ты мне уже не господин,
Ты надо мной теперь не волен».
И вспыхнул спор со всех сторон.
О, неумная природа!
И к дубу я прибил картон
С изображением уroda.

Мой карабин, пора: стрельба!
Мы всаживали пулю в пулю.
Железный друг, твоя судьба
Вся расстрелялася в июле.
И дуб все пули принимал
И только шелестел над нами
О том, что кончен наш привал,
Тысячелетними ветвями.

2

Господи, сколько счастливых
И одиноких людей.
Опадают созревшие сливы
Во французской деревне моей.
И соседка — из прошлого века —
Всё твердит о своей красоте,
Всё летает на крыльях калека
На невидимой нам высоте.

3

Опять уют знакомых мест.
Иду заросшею тропею.
И юный дождь и старый лес
Шумят о жизни надо мною.
Зайду под дуб, и нет дождя.
Ах, эти капли дождевые,
Шуршащие, поющие, живые,
Победные над ветхостью плаща.
1960

Памяти Л.Н. Бенуа

Как будто бы я в Петербурге.
На службу опять не пойду.
Сажу на скамье в Люксембурге,
В древнейшем парижском саду.
И хор, исключительно птичий,
Поет, не уставая:
У нас Катерина Медичи,
У вас Катерина другая.
1960

Осенний день в окрестностях Парижа.
Газон. В окне необычайный свет,
Который окончательно пронизает
Тебя, спустя еще немного лет.
И ничего не трогать и не двигать

Решаешь ты, мой книжник-чудодей,
И прошлое, как адресная книга,
Уже несуществующих людей.
1960

Лазарет

1

Уезжаю сегодня в карете -
Не надолго, на несколько дней.
Это Лазарь в моем лазарете
Запрягает в карету коней.
Запрягает, потом распрягает:
Запретил чужестранствия врач.
Кони знают, а Лазарь не знает,
Что такое беспомощный плач.

2

Как хорошо: я должен покидать
Свою тюрьму, свою больницу.
Мне жаль уже свою кровать
И одиночную темницу,
Где, за решетчатым окном,
Стоит такой же скучный дом.
Нельзя все время есть да спать,
Не волноваться, не стремиться.
Куда? Не знаю. Но опять,
Когда припадок повторится,
Вернусь я с нежностью сюда
Уже надолго — навсегда!

Господи, сколько калек
Здесь остается навек.

3

— *Вы были в Африке?*
— *Я служил в Легионе!*

Из парижских разговоров

Я еще не меняюсь в лице,
Но теряю последние силы:
Это редкая муха Цеце
В легионе меня укусила.
Это значит: приходит пора
С концом примириться железной
Удивляются все доктора
Неизлечимой болезни.
Это значит: не спать, а дремать,
Не прося у людей сострадания.

Кто смерть?

Ах, покойная мать
Вызывает меня на свиданье.

4

Хорошо, что кончается время
У каких-то воздушных перил.
Я казачье старинное стремя
Под подушку себе положил.
Ничего мне больше не снится,
Стал мой мир изумительно прост.
И босяк с хризантемой в петлице
Меня увлекает под мост.
1961

*Ты пьян, Хайям,
И это — хорошо.
Омар Хайям (1123)*

Только розы из Шираза,
и фантазия.
Воспоминаньями могилы поросли.
Персики, и Персия,
и Азия,
Первопричастница земли.
Азия, поэзия! Тысячелетия
Пред тобой стоят. И постоят еще.
Ты прав, Хайям, в своем великолепии.
Ты пьян, Хайям, и это — хорошо.
1961

Сом

Как рыба, плавать в глубине
И Божий свет не видеть,
Как черный сом, лежать на дне
И солнце ненавидеть.
Как человеческий легкий рок,
К созвездьям поднимаясь,
Лететь назад, лететь в проток,
Крестясь и чертыхаясь.
Как... Я не знаю. Но потом,
По-братски сдвинув плечи,
Лежат на дне и черный сом,
И остов человеческий.
1961

Зима

1

Всё верит в молодость свою,
Которую никто не знает.
 «Была зима. Я был в бою.
 И снег уже не тает!».
Побойся Бога: тает снег.
 «Возможно. И, порою,
 Я верю в это.
 Ах, набег
Корниловской зимою».

2

Уезжала на работу мать,
Ежедневную тяжелую работу.
Как же ей ребеночка не взять,
На работу — лучезарную заботу.
Возвращалась мать домой.
 Устало
Спал ребенок на коленях.
 Как всегда,
За окном автобуса сияла
Та же Вифлеемская звезда.
1962

* * *

Что возразить тебе? Ах, бесполезно!
В потоке жалоб и угроз
Уже дрожит единственный, железный
Мой в этой жизни нерушимый мост.
Всё верх ногами в сокрушительном потоке:
Обломки покаяний и грехов,
Дела и люди — строки, строки,
Тобой переиначенных стихов.
Любовь к стихам — чудесная обуза,
Любовь к стихам — крушение и беда.
И мечется испуганная муза,
Сгорая от девичьего стыда.
1962

* * *

Дочь моя жила на воле:
Приальпийские леса,
И, на память о Тироле,
Мне подарок привезла.
Ах, тирольская избушка!
Не избушка, а часы.

В них живет моя кукушка
Изумительной красы.
Не на гибель, а на счастье
Прокукуй мои года.
Кто ты, неизвестный мастер?
Не узнаю никогда.

Не страшна тому черная ночь,
У кого есть взрослая дочь.
1962

* * *

Мне стыдно поднимать глаза
На самохвальные писанья.
Была гроза, прошла гроза —
Остались лишь воспоминанья;
И вот, во имя новых гроз,
В молниеносной передышке,
Пиши о том, что перенес
В крови, в слезах — не понаслышке,
1962

«Каждый день - одно и то же.
Бесконечны вечера,
И сегодня так похоже
На бездарное вчера.
Каждый день и каждый вечер...».

— Ну-ка, Муза, погоди:
Расцелованные плечи,
Ночь, и мальчик на груди.
1962

Ты пил вино. Но не оно тебя.
Еще не ведал темного похмелья.
Держался ты, и только за себя.
Был каждый день, как новоселье.
Ты прожил жизнь чудесную. Уже
Пора домой, в родные степи,
Рожденному на рубеже
Великолепнейших столетий.
1963

Деревцо

Н.Г. Стортенбекер

Гляжу в окно, залитый светом.
Пейзажа нет! Есть деревцо.
Не надо быть большим поэтом,
Чтоб полюбить его лицо,
Еще зеленое такое
На фоне уличных построек.
Мы оба с ним обречены
Уже не ждать другой весны.
Не надо быть большим поэтом,
Не надо жить в большом лесу.
Есть деревцо!

Люби за это
Его прощальную красу.
1963

*И возложил поэт
на плени епанчу.
А Тютчев положил
свой коврик на колени.*

Я видел сон. Мне снилась ты
Уже в когтях у сатаны,
Но легкий ангел прилетел,
И спас тебя, и улетел.
И ты опять идешь в стихи,
Как в некий сад. За все грехи
Ты отвечаешь смело.
Дай Бог, чтоб уцелела!
1963

Был снежный лог. Потом зеленый лог.
Опять весна. Медведице не спится.
Медведя нет. А он бы ей помог
Сберечь детей, оборониться.
А вот и смерть. Она взвела курки
Охотнику. Но он, к сосне прижатый,
Увидел обнаженные клыки
Медведицы, с которой медвежата.
Был некий миг. Потом — внезапный гром:
Нежданных ангелов заслуга.
Бежала смерть. Медведица потом,
На поиск опоздавшего супруга.
И гаркнул ворон громогласно: кра!
И зайцы изумленные присели.
И лес шумел веселое «ура»

Несостоявшейся дуэли.
1963

* * *

У отцов свои преданья,
У отцов свои грехи:
Недостроенные зданья,
Непрочтенные стихи.
И ни в чём уже не каюсь,
Лоб крестя иль не крестя,
Подрастает, озираясь,
Эмигрантское дитя.
1963

Элизиум

Элизиум — загробное воздаяние.
Пиндар (522-448 до Р.Х.)

Русским старческим домам

1

Мы дети верные войны.
Идут года, приходят войны,
И обетованной страны
Твоей, Элизиум, достойны,
Не все уже и дым, и прах,
От нас еще ложатся тени,
Элизиум, в твоих садах
Богоугодных заведений.

2

Пора, мой старый друг, пора,
Зажились мы с тобою оба,
И пожилые юнкера
Стоят навытяжку у гроба.
Им также надо отдохнуть,
Нельзя терзать людей без меры.
Скажи из гроба: в добрый путь,
Законченные офицеры.
1963

Доброта

Мне приснилась доброта:
В темном доме у моста,
В неизвестном городке

На безыменной реке,
Засияли окна.
В эти окна я смотрел,
Ничего не разглядел.
Чувствовал я только теплоту,
Чувствовал я только доброту.
Вот и всё. Уже потом
Я вошел в старинный дом,
Где стояла очередь:
За едой стояли бедняки,
За углём стояли старики.
И на непонятном языке
Обратился к этой бедноте,
По записке читая слова,
Сам мэр — городской голова.
1964

* * *

Декабрьский вечер мгlistый,
Переходящий в ночь.
Декабрь и декабристы.
Кто сможет вам помочь?
Ах, барские затеи
Невняtnы для солдат.
Замерзшие кареи
Без выстрела стоят.
Потом найдутся люди,
В столетие потом.
Сейчас — картечь орудий,
В упор картечный гром.
И побегут солдаты
Скорей, чем на войне.
Царя мерцают латы
В столичной синеве.
1964

Стихи о Бретани

*Kerhamb bréder ag mar don
Lesamb er jibl hag er goumon.*

1

Приморские деревни
Над камнем и водой.
И веет ветер древний,
А с виду молодой.
Очаг. Мерцает пламень.
Застывшие года.
И допотопный пламень,

И вечная вода.

2

Повстречало нас немного чаек
И о чём-то гневно голосили
Голосами обездоленных хозяек,
У которых всю посуду перебили.
Это голос независимой Бретани,
Трехстолетняя нестершаяся память.
Порт в дыму. Уходят англичане.
Над пожарищем простреленное знамя.

3

Сижу в таверне «Золотого льва»
На самом берегу у океана.
Здесь проходила королева Анна,
И вняты мне ее слова,
Исполненные нежности, печали,
Разлуки с этим краем. И в порту
Вдруг распустилась парусами лодка.
Но лодки нет. Есть дымчатая водка.
Хмель в голове. Огонь во рту.

4

Здесь песни заунывные, глухие,
Здесь вечный траур - черный цвет,
Здесь только Анны и Марии,
Других имен у женщин нет.
1964

Эпизод

Не редкость выстрелы в горах:
Разбой, охота, поединок.
Ах, чье-то имя на устах!
Дуэль. «Обычная картина.
Убит был зря. Но смерть была легка», -
Запишет кто-то в мемуарах:
«Поручик Лермонтов Тенгинского полка,
Служивший раньше в лейб-гусарах».
1964

Собака

Я - густопсовый пожилой кобель,
Хозяин мой — охотник на покое.
Вчера была ужасная метель,
Творилось что-то страшное, такое,

Когда не знаешь, где земля, где твердь,
И - мы, собаки, это знаем, —
Хозяйская стояла смерть
В открытом поле за сараем.
И я завыл, как никогда не выл.
И бил меня хозяин, стервеня,
Калмыцкой плетью из последних сил,
Понять предупреждений не умея.
Все говорят, что нет глупее нас,
Борзых. Пожалуйста, не верьте.
Никто не знает лучше нас
Незванный час хозяйской смерти.
1965

Закат

*Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней.*
Тютчев

Распустились розы на глазах,
Я слышал шорох распусканья.
Ну, что ты, милая в слезах,
Еще не кончено свиданье.
Приподнялся и упал закат
На твои несдержанные слёзы,
На меня лежащего, на сад,
На нераспустившиеся розы.
1965

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н.Н.Туровева, опубликованные в 20-70-е годы
в изданиях казачьего и российского зарубежья,
но не вошедшие в его сборники поэзии.

Последние бои

Не собирались девки в хате,
Весенний чуя хоровод;
В клетки не собирал Савватий
В ряды поставленных колод;
И опустелые загоны
Не сторожили Флор и Лавр,
Когда над полем плыли стоны
И звуки гулкие литавр.
Среди равнин и плоскогорий,
За тёмной массой полков,
На белом маштаке Егорий
Один водил своих волков.
Свивали поздние метели
Над Русью снежное кольцо,
И полы а'нглийской шинели
Закрыли близкое кольцо.
Минуя сёла, у опушки
Прошли последние леса;
Глумливым эхом поздних пушек
Простились глухо небеса.
Стопясь, дрались на камнях мола,
Когда кричали корабли,
И плакал старенький Никола
В тумане брошенной земли.
1922

Орда

Опять, опять в степном просторном чреве,
В родном краю курганов и ветров,
Вселенский шум родившихся кочевий
И пламя дымное раскинутых костров.
Звенит, как встарь, над Манычем осока,
В степях Хопра свистит седой ковыль,
И поднимает густо и высоко
Горячий ветер над ордою пыль.
Кочует новая, упрямая, слепая,
Шибаясь костяком по степовой груди...
Но голод по следам Тимура и Мамаю
Ей кажет точно старые пути.

И дряхлый мир, прижавшись у истока
Пустынных лет, в последний жуткий раз
Увидит в воротах грядущего Востока
Голодный блеск косых и жадных глаз...
«Казачьи Думы»,
г. София (Болгария).
4 мая 1922 года.

Зов

1

Отцу моему

Опять весна, опять иная,
Опять чужая синь небес,
Но, ширясь и нарастая,
Влекущий лик родного края
Томит предчувствием чудес,
И не согнутся мои плечи
Под грузом жизненных доспех;
Для близкой неизбежной встречи
Таю любовь, мечты и речи,
И тихий плач, и звонкий смех.
Везде со мною неминуемый
Призыв и дальний образ твой,
И пусть ведет безглазый Случай
Меня чужою стороною.
Пути лишений и скитаний
Не заглушат влекущий зов,
И знаю радостно заранее —
Увижу я знакомый кров.
И край родной не будет тесен,
Когда, забыв тоску дорог,
Воздвигну я из новых песен
Тебе сияющий чертог;
И ты, мой светлый и единый,
Мой друг извечный, мой отец,
Услышишь песни лебединой
Начало прежде, чем конец.
«Казачьи Думы»,
г. София (Болгария).
22 июня 1922 года.

Клич

Нам кажется с Родины тяжелые дороги,
Кружась над кровлей по ветру, конёк.
Ложитесь отдыхать, и хромым, и убогим!

Но мне ль весенний путь окружен и далёк?
Иль юность не моя, сквозь шум боёв пьянящий,
Была пронесена в смерче' кровавых дней,
Чтоб снился мне теперь настойчивей и чаще
Вид всадников и взмыленных коней?
Иль я в чужом краю забуду ненароком,
Как пел набат в степи средь зарева огней,
Как солнце плыло кровожадным оком
Над дымом городов зловещей и темней?..
Так мне ли не мечтать средь тающего снега
Теперь, когда панель в угаре и чаду,
О вольности и радости набега,
Не кликать из степей весеннюю орду?
Я знаю: мне даны не даром эти речи
И эта кровь, стучащая в виски.
О, я несу к порогу близкой встречи
Сокровища завещанной тоски.
И вот в мечтах, благословенных ночью,
Когда в окно пьянят росистые луга,
Предвижу час, когда я приторочу
К седлу трофей, отнятый у врага.
И всё равно, в покое или в буре,
К родным курганам донесу я клич,
Где пращурь мои на лошадиной шкуре
Делили золото добыч.
*«Казачьи Думы»,
г. София (Болгария).
25 апреля 1923 года.*

Зов

А. Туроверову

1

Тоскую, горю и сгораю
В чужой непривольной дали,
Как будто не знал и не знаю
Родной и любимой Земли.
Но нужно ль кого ненавидеть
За то, что досталось мне
Лишь в юности родину видеть,
Скача на горячем коне,
Чтоб помнить простор да туманы,
Пожары, разбои и кровь,
И, видя ненужные страны,
Хранить неземную любовь...

2

Нет, сердце я не приневолю
К утехе чуждого труда,

Когда хранить простор и волю
Велят горящие года;
Когда подвластен и покорен
Мне ослепительный огонь,
И топот близок и задорен
Степных набегов и погонь.
И мне, рожденному на грани,
Избраннику кровавых дней,
Дано вещать о старой брани,
И звать в нее, и петь о ней.
И путь мой древний и заветный —
Разбить закованную цепь.
И я несу свой жребий светлый,
Который мне вручила Степь.
«Казачьи Думы»,
г. София (Болгария).
30 октября 1923 года.

Возвращение

1

Уже у поднятого трапа
Отчалившего корабля
Мне сразу станет дорог Запад,
Моя привычная земля,
И на молу чужие люди
Знакомы станут и близки,
Когда мой дальний путь осудят
Прощальным светом маяки.
Но лишь на краткое мгновенье
Я затоскую на борту,
Услыша медленное пенье
Сирен в покинутом порту.
Непрекращающийся ветер
Меня уверит, что одна
Лишь есть чудесная на свете
Моя далёкая страна,
И мне в полночный час, в каюте,
Под лёгкий склянок перезвон,
В какой тысячетлетней мути
Приснится европейский сон.
Мой долгий сон, в котором прожит
Был не один забытый год;
Но что душа слепая может
Вновь пережить среди бурных вод?
И вся парижская эпоха
Во сне припомнится остро,
Как непрерывный, мерный грохот
Во тьме летящего метро.
«Казачий сборник»,
г. Париж (Франция),

1930 год.

* * *

1

Кровь да кровь. Довольно крови:
Мы и так уже в крови,
И в своём казачьем слове
Ты другое назови, -
Что-то главное, такое,
Отчего в душе светлей:
Поднебесье голубое
Станет вдвое голубей,
И на самом дальнем небе,
Соберя святых в чертог,
О земном насущном хлебе
Призадумается Бог.
А в земной печальной шири,
В муках, в рабской нищете,
Все подумают о мире,
О любви и о Христе.

2

В.Н.Романову

Бредут волы, как стылая судьба,
Но жалость есть уже к чужой скотине.
Пройдя сквозь кровь, сквозь муки и гроба,
Так одинока старость на чужбине.
Нет никого. Но что-то всё же есть —
Такое неповторное, родное...
Всё, что угодно, только бы не месть,
Вернуло нас на поле золотое.
Побольше нежности! И чем она трудней,
Тем сердце легче, радостнее бьётся,
И пусть один из тысячи людей
Достойным подвига на родину вернётся.
И в Каменской станице над Донцом,
Над степью с ковылём и бурьяном,
Быть пожилым, но с виду молодцом, -
Не окружным, - станичным атаманом,
И доживать свой беспокойный век,
Простив всё так, чтоб не могло присниться.
Из всех регалий, перначей, насекомых, -
Конечно, лучшая у Каменской станицы.
г.Париж (Франция),
«Общеказачий журнал» (США),
№10, октябрь 1950 г.

Элегия

Оно останется, дыхание твоё,
Ты будешь жить ещё за гробом,
Покуда я живу...

Поём

О жизни мы с тобою оба.
Ещё не падает твоя звезда,
А нет её, но свет ещё струится,
И мне вдвойне не надо опоздать,
И мне вдвойне не надо торопиться.
«Русская мысль»,
г.Париж (Франция).
№600, 23 октября 1953 г.

Казачка

Марии Волковой

Нас всё пытаются с тобою разлучить,
Мне с детских лет доверчивая муза,
Тебя — бесплодному томленью научить,
Меня - поэзии картавой и кургузой.
Но нам ли, от мамаевых костров -
Сквозь сотни лет - пришедших к Перекопу
Довериться баюканью метро,
Склонясь челом на сонную Европу?
Тебе ль, с жестоким словом на устах,
Нести другое — не казачье — знамя,
Когда лежат у вечности в ногах
И совесть оскудевшая и память?
И не тебя ли Пушкин воспевал,
Держа свой путь на вольные станицы,
Когда в горах ещё шумел обвал,
Чтоб и тебе, и Дону поклониться?
С тобой одною Лермонтов вдвоём
Пел песню колыбельную...

Такую,

Что до сих пор растёт богатырём
Праправнук твой, о Родине тоскуя,
Ты всё, как есть, смогла перестрадать, -
Казачий шлях - что Млечная дорога:
Есть сыновья? О них поплачет мать,
И Гоголь их проводит до порога.
О, как любил тебя Толстой потом
(Ты на него тогда и не глядела),
И он жалел, что не был казаком,
Но ты никак об этом не жалела!
«Казачий Союз»,
г.Париж (Франция),

№19, 1954 год.

Жизнь

Можно жить ещё на свете,
Если видишь небеса,
Если слышишь на рассвете
Птиц весёлых голоса.
Если все дороги пра'вы
И зовёт тебя земля
Под тенистые дубравы,
На просторные поля.
Можешь ждать в тревоге тайной,
Что к тебе вернётся вновь
Гость желанный, гость случайный, —
Беззаботная любовь, —
Если снова, за стаканом,
Ты, в кругу своих друзей,
Веришь весело и пьяно
Прошлой юности своей.
Можно смерти не бояться
Под губительным огнём,
Если можешь управляться
С необъезженным конём,
Если Бог с тобою вместе
Был и будет впереди,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.
*«Казачий Союз»,
г.Париж (Франция),
№20, 25 апреля 1954 года.*

Баллада

Тамаре Величковской

Ежедневно, на рассвете,
Пьёт он черный кофе с ромом.
Жадно курит папиросу,
Начиная новый день.
Четверть века та же стойка,
А потом весь день работа,
За кусок насущный хлеба,
У фабричного станка.
Он живёт давно на свете,
Ходит изредка к знакомым,
Отвечает на вопросы
Очень сдержанно везде.
И никто не знает:

Тройка,
Расточителя и мота,
Мчит его ночами в небо,
Пожилого казака.

* * *

Ещё сердце, как будто исправное,
Но не верит больше стихам.
Только лучшее, самое главное,
Перед смертью тебе передам.
И ты будешь, и будешь разминивать
Серебро на медный грош, —
Уверять, что я на Тургенева
Безответной любовью похож.
*«Новый журнал»,
г.Нью-Йорк (США),
№51, 1957 г.*

* * *

Что из этой жизни унесу я,
Вспомню в преисподней иль в раю?
Головокружение поцелуя,
Нежность неповторную твою,
Иль с прадетских лет неповторимый,
Этот дикий, древний, кочевой
Запах неразвезанного дыма
Над моей родною стороной?
*«Новый журнал»,
г.Нью-Йорк (США),
№4, 1958 г.*

Украина *Из Тараса Шевченко*

Памяти матери

Было время, на Украине
Пушки грохотали,
Было время, запорожцы
Жили - пировали.

Пировали, добывали
Славы, вольной воли,
Всё то минуло, остались
Лишь курганы в поле.

Те высокие курганы,

Где лежит зарыто
Тело белое казачье
С головой разбитой.

И темнеют те курганы,
Словно скирды в поле,
И лишь с ветром перелётным
Шепчутся про волю.

Славу дедовскую ветер
По полю разносит.
Внук услышит, песню сложит
И поёт, и косит.

Было время, на Украине
Шло вприглядку горе;
И вина, и мёду вдоволь,
По колено море!

Да, жилось когда-то славно,
А теперь вспомнешь:
Станет как-то легче сердцу,
Веселее взглянешь.
*«Родимый Край»,
г. Париж (Франция),
№40, 1962 г.*

Албанские стихи

1

Глубокий снег лежал в горах.
Был лунный свет мутнее дыма.
Попутчик мой сказал: «Аллах
Хранит в дороге пилигрима!».
Кто он, откуда? Для меня
Не всё равно ль? На горном склоне
Он своего поил коня
И вместе пили наши кони.
Теперь нас ждёт в горах ночлег,
И знаю я, дрожа от стужи,
Он для меня расчистит снег,
Постелет рваный плащ верблюжий
И, вынув свой кремень и трут,
Зажжёт подобранные сучья.

Счастлив Аллах, царящий тут:
Ему слуги не надо лучше.

2

Я скрылся от дождя, от ночи и от бури

В пастушьем шалаше. Пастух был нелюдим.
Но он мне место дал у очага на шкуре
И круглый хлеб, надъеденный самим.

3

Я вошёл в твоё жилище,
Обогрелся у огня,
Принесла к огню ты пищу,
Не взглянула на меня.
Знаю, я тебе не пара, -
Твой отец богатый бей:
От Валона до Скадара
Равных нет ему людей.
У бродяги-иноверца
Нет на свете ничего,
Только сердце, только сердце
Однолетки твоего.
Завтра я уеду рано,
Не проснётся твой отец.
Ты услышишь каравана
Невесёлый бубенец.
*«Возрождение»,
г.Париж (Франция).
№126, июнь 1962 года.*

* * *

*О, суд людской, неправый,
Что пьянствовать грешно.*

1

Казался он уродом
С кудлатой бородой.
Сияла в нем природа
Звериной красотой.
Не ведал лицемерий
В казачьей простоте
И верность старой вере
Носил на высоте.
Железный сын эпохи,
Гоня чертей окрест,
Струёю рома в кофе
Всегда он делал крест.

2

Я не знаю, где он живет,
И не знаю, чем он занимается,
Знаю только, что курит и пьёт,
Знаю только: ему это нравится.
Ничего я не знаю о нем,
Поджидаю его каждым вечером –

Говорит, что владел он конем
И что делать ему уже нечего.
«Родимый Край»,
г.Париж (Франция),
№66, 1966 г.

Покров

Вымирают старцы на Афоне.
На казачьих землях вымирают казаки.
О Кубани, Тереке, о Доне
Песни преисполнены тоски.

Но, покуда веет вольный ветер
И в степи колыхается трава,
Будет снова чудо на рассвете,
На казачий праздник Покрова.
«Русская мысль»,
г.Париж (Франция),
1967 г.

* * *

1

Рассветало. Расцветало небо.
Расцветал ещё туманный луг.
Никогда во Франции ты не был,
Мой далёкий, одинокий друг.
Никогда во Франции не будешь.
Что тебе о ней мне написать?
О моём уже привычном чуде
Новыми словами рассказать.
Я устал от всех великолепий,
Лучших в мире сыра и вина.
Мне всё чаще стали сниться степи,
Но ещё в цепях из чугуна.
Наша родина в бетоне и в железе,
Но над ней уже витает дух
Не поэзии, а множества поэзий,
Не произнесённых вслух.
Здесь давно всё сказано и спето:
Вековая гладь и благодать.
Вот про это, именно про это,
И хотел тебе я написать.

2

Что сохранил я для мира?
Стихов непредвиденный срок,

Кусок азиатского сыра,
Водки короткий глоток,
Запах белых акаций,
Окаменевшую мать.
Можно ли всё это вкратце
Музе моей передать?
*«Новый журнал» (США),
№89, 1967 г.*

Юбилей

И старцев нет. Есть молодые люди.
Уланщина, гусарщина - всё есть!
И водка, и шампанское. На блюде
Ещё никем не тронутая честь.
Конечно, были неудачи.
Полвек не в счёт, полвека нет.
И надо всем ещё маячит
Казаче-конный силуэт.
*«Родимый Край»,
г.Париж (Франция),
№73, 1967 г.*

Перекличка

1

Убиенные подростки-подголоски
Поют в небесной тишине.
К нам долетают отголоски
Казачьих песен в вышине.
Ремнём могучим опоясан
Казачий стан. И старики
Им отвечают низким басом:
Мы казаки! Мы казаки!

2

Одиноко сажу я в тоске,
Но чарка не дрогнет в руке:
Я за казачество пью,
За светлую долю свою,
За счастье быть казаком!
*«Родимый Край»,
г.Париж (Франция),
№74, 1968 г.*

Чистилище

*Чистилище —
промежуточное место
между раем и адом.*
Словарь

1

Терпеть не могу я больных,
Себя больным — ненавижу!
Смерть подходит. Я чувствую, вижу
Эту ведьму в космах седых.
Смерть подходит. Не ведаю холода.
Трубный звук! Ты ведь любишь меня?
И легко, уверенно, молодо
Сажусь опять я на коня.

2

И вот в том чудесном саду,
В котором я не был, но буду,
Сниму я седло и узду,
И конь в лошадином бреду
Возляжет среди незабудок.
Закрою глаза я коню:
Догонишь меня?

Обгоню!

*Март 1968 года.
«Родимый Край»,
г. Париж (Франция),
№76, 1968 г.*

Стихи

1

За решёткой кассирша томится.
И мне кажется, что не она,
А какая-то райская птица
В тесной клетке сидит у окна.
За получкой подходят калеки,
Среди них я покорно стою.
Птица кормит нас, человеки,
В инвалидном скудном раю.

2

В поднебесье летит самолёт.
Тополя ему вслед поклонились.
Распустились деревья. И вот,
Соловью уже песни приснились.
Не поёт, верещит соловей,
Не совсем наяву, в полусне.
Что же будет потом? Вешний гром
И в твоей и в моей стороне.

*Пасха. 1968 год.
«Русское Слово»,
г.Париж (Франция),
1968 г.*

Звёздный свет

Марку Шагалу

Небесный сыр, — моя луна
Уже изъедена мышами;
Они живут за облаками
В корнях потусторонних верб.
И нет луны. Есть лунный серп.
Надолго ль он в ночи?

Но вот,

Мой пожилой покойный кот
В мышиный табор сиганул, -
Одних сожрал, других - испугнул.
И нет луны. Есть звёздный свет,
Мерцающий тьму тысяч лет.

*«Новый журнал»,
г.Нью-Йорк (США),
№91, 1968 г.*

* * *

Твой браслетик номерной
29 - 18.
Был ты парень озорной
И любил когда-то драться.
И вокруг тебя, пострел,
Ветер пел, и пули пели;
Ты случайно уцелел,
А друзья не уцелели.
Ты остался одинок,
Двадцать лет бродил в неволе,
И опять подходит срок
Погулять на Диком поле.
Ах, не Диком - без коня,
Что казак, но сердце радо:
Не любя и не кляня, -
Если надо — значит, надо.
Не заплачет горько мать...
Но с мечтой о бранной славе,
Право, лучше умирать
Не в постели, а в канаве.

1942

Тебе не страшны голод и пожар.
Тебе всего уже пришлось отведать.
И новому ль нашествию татар
Торжествовать конечную победу?
О, сколько раз борьба была невмочь,
Когда врывались и насильники, и воры,
Ты их вела в свою глухую ночь,
В свои широкие звериные просторы.
Ты их звала, доверчивых собак,
В свои трущобы, лютая волчица.
И было так, и снова будет так,
И никогда тебе не измениться³.
*«Новый журнал»,
г.Нью-Йорк (США),
№91, 1968 г.*

Военщина

1

Я из Африки принёс
Голубую лихорадку.
Я в Париж, к себе, привёз
Деревянную лошадку.
Иностранный легион.
Первый конный полк. Конечно,
Самый лучший эскадрон,
На рысях ушедший в вечность.

2

Восемь строчек завещанья
К уцелевшим друзьям, чтоб
В неизбежный день прощанья
Положили мне на гроб
Синеглазую фуражку

³ В архиве И.И.Туровой (Франция) В.В. Леонидовым (г.Москва) был обнаружен расширенный вариант этого стихотворения, начинавшийся следующими строками:

Не всё равно, кому принадлежать?
Какому чужеземному народу
Доверить сможешь ты иль передать
Свою тысячелетнюю свободу?

И заканчивающийся так:

Не всё равно, кому принадлежать!
Не всё равно, каким рукам отдаться!
И мне теперь не надо выбирать,
И мне теперь не надо сомневаться.
Какая безрассудная любовь
К родной земле вернуться мне поможет.
Из всех кровей единственная кровь
Какая мне роднее и дороже.

Атаманского полка
И прадедовскую шашку
С лентой алой темляка.
Февраль 1967 года.
«Русская мысль»,
г.Париж (Франция),
6 ноября 1969 года.

Таверна

Жизнь прошла, и слава Богу!
Уходя теперь во тьму,
В одинокую дорогу
Ничего я не возьму.
Но, конечно, было б лучше,
Если б Ты опять со мной
Оказалась бы попутчик
В новой жизни неземной.
Отлетят земные скверны,
Первородные грехи,
И в подоблачной таверне
Я прочту тебе стихи.
Ноябрь 1969 года.

Восьмистишие

Безнадёжно. Неизлечимо.
За окном деревья и трава.
Не касаясь, пролетают мимо
Эти беспощадные слова.

За окном деревья и трава,
Светит солнце и мерцают звёзды.
И — мне кажется — ещё не поздно
Пережить ужасные слова.
«Русская мысль»,
г.Париж (Франция),
1970 г.

* * *

1

Прижалась бутылка рома
Стеклою щекою к руке.
Холодной щекою. Мы дома,
Мы снова с тобой в кабаке.
Конечно, весь мир по колению!
Отныне - навеки, давно.

Хрустальная стопка Верлена,
На дне - золотое руно.

2

Пепельница. Пепел мимо.
Задрожал стакан в руке.
Чувствую, - опять незримо
Ты со мною в кабаке.
Чувствую особым чувством,
Не шестым, не номерным.
Та же пытка: для искусства
Нужен ли табачный дым
И вино?

Какая сила
Нас опять с тобой свела?
Одинокая могила
Новой травкой поросла.

13/2, 1971.

*«Возрождение» (г.Париж),
№230, март 1971 года.*

Однополчанам

Гимназистом, реалистом и кадетом
Начиналась беспощадная война.
Голубым необычным светом
Жизнь моя теперь озарена.
Ничего не тронет и не ранит
Закаленных неожиданной судьбой;
Мертвые мои однополчане
По ночам беседуют со мной.
Старшие — времен Елизаветы,
Надо каждого запомнить и учесть
Чинопочитание, при этом
Не роняя и казачью честь.
Младшие — совсем еще недавно
Юность не испившие до дна,
Страшно, и таинственно, и славно
Вы доверились снегам Каледина,
Той зимы семнадцатого года,
Без которой, уверяют знатоки,
Лучшего всемирного похода
Не смогли б придумать казаки.

*«Родимый Край»,
г.Париж (Франция),
№110, 1974 г.*

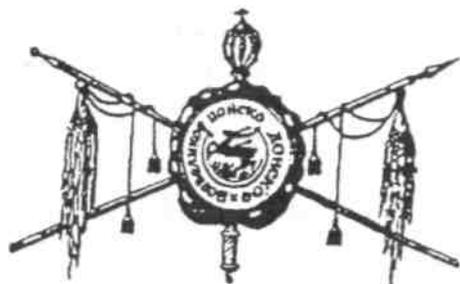
Полдень

Сроков нет! Какие сроки?
Где начало у кольца?
День стоит такой широкий,
Что не видно и конца.
В полдень странствия земного
Мнится мне, что я не жил
И из кубка золотого
Ничего ещё не пил.
Ни восхода, ни заката, -
Только полдень: полувек!
И родней родного брата
Стал мне каждый человек.
Каждый год мне как обновка,
И придёт заветный год,
И московская верёвка
Меня сразу вознесёт, -
За казачество, — за что-то,
Отчего и смерть легка...
Нет возвышенной почёта
Для донского казака.
*«Родимый Край»,
г.Париж (Франция),
№121, март-апрель 1976 года.*

Серьга

Был мальчиком. И тётка, старуха,
Казачьей гордясь стариной,
Проколола мне левое ухо
Тьмутараканской серьгой,
Рассказав о серьге Святослава,
Про Саркелы — хазарскую быль —
Что лежит по-над Доном направо,
Где теперь лишь полынь да ковыль.
Не такая ль попала к татарам,
От татар перешла к казаку
И досталась ахтырским гусарам,
Да второму Донскому полку, -
Полумесяц с крестом, — золотая, -
Начинал уже к ней привыкать,
Но смеялись вокруг: Николая
Будем замуж с серьгой выдавать!
Ах, как часто смеялись над многим,
Не хотели ничем дорожить,
Чтоб потом, у проезжей дороги,
Христа ради, из милости жить.
С каждым годом труднее, скуднее...
Но забыть ничего не могу:
До сих пор ещё горько жалею,

Что недолго носил я серьгу.
«Кадетская перекличка»,
г. Нью-Йорк (США),
№34, ноябрь 1983 года.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Н.Н. Туроверова из архивного собрания И.И.Туроверовой (Франция) выделенные В.В.Леонидовым, рекомендованные И.И.Туроверовой к публикации в России и включённые в изданный Российским фондом культуры (г.Москва) сборник Н.Н.Туроверова «Двадцатый год - прощай, Россия!».

* * *

Ах, Боже мой, как это мило,
Какое счастье мне дано.
В одной руке держу чернила,
В другой — веселое вино,
И вновь я полон вдохновений
И для стихов, и для труда.
Спасибо Вам, мой юный гений,
Ваш благодарный навсегда.

Прокажённый

*Te, te, Asia infelix
tristi deplere querela.
Sybylla (Oracul L.V.)*

Мне снился вереск лиловатый,
Непроходимые терны
И солнцем выжженные скаты
Библейской каменной страны.
Я шел с горы, терны кололись,
Но в нетерпенье я дрожал —
У ног моих Иераполис
В руинах мраморных лежал.
Приют шакала и гадюки -
Священный град, где Иоанн
Вздыхал торжественные руки
Над кровью первых христиан,
Где над апостольской могилой
Шумел печальный кипарис,
И где пророчества Сибиллы
Так безошибочно сбылись.
О, прародительские мифы
И баснословные бои!
Сметая всё, прошли здесь скифы -
Родные пращурсы мои.
Кого искать мне на погосте
Столетий, обращенных в прах,
В приюте змей, где чьи-то кости
Лежат в разрушенных гробах?
Но я всё шел, всё торопился -
О, как терны мешали мне -
И путь мой бесконечно длился,
Как может длиться лишь во сне.

И всё, что было в жизни свято,
Готов я был легко отдать,
Чтоб только мне сойти со ската,
Чтоб только мне не опоздать.

1

Его я встретил у пещеры,
Где любопытный Апулей
Искал в дыму горячей серы
Дорогу в капище чертей.
И вот — у розовой колонны,
У входа мрачного в подвал,
Весь в струпьях старый прокажённый
Меня с улыбкой ожидал.
Его я сразу обнял смело,
Коснулся обнаженных плеч,
И страстной песней зазвенела
Его взволнованная речь.

2

«Хвала пришедшему без страха
Сюда, чтоб видеть наяву,
Как средь кладбищенского праха
Я, славя Господа, живу.
Я ждал тебя, мой друг единый,
Как ждут сияющей весны
В твоей стране, где снег да льдины,
Да несбываемые сны.
Я ждал тебя, пришелец дальний,
Я знал, что ты всегда готов
Довериться высокой тайне
Еще неизречённых слов.
Со мной живут одни лишь звери,
Давно сбежал я от людей,
И никому не мог доверить
Заветной повести моей.

3

Я сын древнейшего народа
Воспетой в Библии страны.
Богатство, знатность и свобода
Мне были с детских лет даны,
Я рос в довольстве и в покое
И всё имел, что мог желать.
Я помню детство золотое,
И нежно любящую мать,
И наш дворец в полдневном свете,
Когда, играясь у крыльца,
Услышал и запомнил эти
Слова веселого отца:
«Найди для всех слова привета,
Легко любовь свою дели,

И Бог тебе воздаст за это
И не отнимет от земли».

4

Я рос, земных тревог не зная,
Я всё имел, что пожелал,
Что дать могла мне жизнь земная, -
Я незаметно возмужал.
И стал мне люб клинок булатный,
И борзый конь, и шумный пир,
И час любви, и подвиг ратный -
Весь тот великолепный мир,
Который ветреная младость
Несет, раздольна и легка,
Другим на страх, себе на радость,
Сквозь все народы и века.

5

Влюбленный в бой жалеть не станет
Погибших рядом с ним в бою,
Он сожаленьем не обманет
Любовь беспечную свою,
В загробные не веря силы,
Стоит он, вновь готовый в бой,
У свежевырытой могилы
С ненаклонённой головой.
Влюбленный в жизнь не пожалеет
Ни женских слёз, ни женских мук,
Он полюбить равно сумеет
Часы свиданий и разлук;
Наперсник Бахуса счастливый,
Он славит каждую любовь,
Но, как поэт скупоречивый,
Не станет тратить лишних слов.

6

В богатстве, в знатности, на воле
Легко текли мои года,
И вот, над этой легкой долей
Взошла заветная звезда.
Всех выше звёзд и между ними
Крупнее, ярче и ясней —
Ее сияющее имя;
Небесный свет ее очей
Мне заменил и жажду славы,
И край родной, и всех друзей,
И всех родных, и все забавы
Счастливой юности моей.
Любовь моя! Душа молилась
Одной тебе... И, наконец,
Мне вся вселенная открылась
В тот день, когда ты согласилась